

A dark, grainy photograph of a snowy street at night. The scene is dimly lit by streetlights, creating a somber and mysterious atmosphere. The snow covers the ground and the tops of the streetlights. The background is mostly black, with some faint lights visible in the distance.

НИКОЛАЙ МАКАРОВ

СКЕЛЕТ СОБАКИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ГРОБУ

Николай Макаров

Скелет собаки

в человеческом гробу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55732774

ISBN 9785449895134

Аннотация

Главный герой – Эд – страдает бессонницей и зависимостью от таблеток, которые не помогают. На почве этой зависимости у Эда появляется галлюцинация в виде говорящего и надоедливого Пса. Однажды ему поступает звонок от его давней подруги о том, что некогда его лучший друг умер при загадочных обстоятельствах. Эд, пораженный этой новостью, отправляется в сопровождении Пса на похороны своего лучшего друга в другой город, где когда-то жил. Так жизнь Эда превращается в настоящее безумие. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1: ЗНАКОМЬТЕСЬ – ЭД	5
Глава 1 – Плохие вести и город Ветров	5
Часть 2: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ГОРОД ВЕТРОВ	81
Глава 2 – Кто сказал псих?	81
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Скелет собаки в человеческом гробу

Николай Макаров

© Николай Макаров, 2020

ISBN 978-5-4498-9513-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СКЕЛЕТ СОБАКИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ГРОБУ

Автор книги: Николай Макаров

Часть 1: ЗНАКОМЬТЕСЬ – ЭД

Глава 1 – Плохие вести и город Ветров

Раздался оглушительный раскат грома. Мои глаза открылись и я, тяжело вздохнув, испуганно уставился в потолок, на котором играющие с моим воображением уличные силуэты, показывали мне очередной сеанс театра теней. Растягивающийся, по всему потолку фонарь, изгибы деревьев, ветки которых напоминали костлявые длинные культы, тянущиеся сквозь оконное стекло, готовые схватить мое сонное неряшливое тельце, и утащить прямиком в угрюмую и молчаливую тьму. Тем временем, дождь небрежно простукивал свою колыбельную, разбивая вдребезги капли о мое окно и крышу дома.

Повалявшись еще минут пять в этой тускло освещенной уличными фонарями комнате, не способный заснуть, я поднялся и сел на край своей мятой и скрипящей кровати. И как это бывает в фильмах, я скрючился, опустив голову в пол, и руками начал водить по своим растрепанным волосам, пытаясь привести мысли в порядок. В моей черепной коробке творился полнейший бардак. Внушительных размеров клуб,

состоящий из неосознанных и скверных мыслей, который мне еще предстоит распутывать, словно это провода от наушников, или намертво затянутый узел шнурков, в который нужно вгрызаться зубами, для того, чтобы его развязать.

Наконец, я нашел в себе силы подняться с кровати, и пойти умыться. Неохотно шагая, раскачиваясь из стороны в сторону, я добрал до кухни, включил чайник и все такой же походкой отправился в ванную комнату. Включив свет, я ощутил, как кто-то ласково начал тереться о мою ногу. Кошка. Еле слышное мурчание Эльзы, дало понять, что она хотела есть. Открыв шкафчик, где находилась коробка с кошачьим кормом, и убежище местного паука, не первый месяц активно плетущего здесь паутину, я взял эту коробку и насыпал корм в миску Эльзы. Она еще несколько секунд продолжала тереться о мои ноги, пока я ее не оттолкнул, и она принялась наслаждаться хрустящим кормом со вкусом «нежной говядины с таким же нежным и сочным соусом внутри». Мне всегда это казалось немного странным, этих маркетологов трудно понять, неужели кошке не наплевать насколько там нежная говядина или какой там изумительный соус? И мы приняли это, настолько, что начали покупать этот корм, будто выбираем его для себя. Может, возьмем со свиной? Нет, давай лучше стейк с мягкой начинкой? Нашей кошечке он больше нравится. Да, точно, кошка гурман, особая порода, я и забыл. Кошмар. Они всегда так делают, всего больше, все вкусней! А мы и рады, ведь каждый из нас хочет кусочек

побольше, пожирней, да посочней! Не важно для себя, или для нашей разбирающейся в средней или высокой прожарке, кошке.

Умывшись, я решил погладить Эльзу, она уже плотно набила свой маленький кошачий желудок, и сладко облизываясь, сидела возле миски. Как только я прикоснулся к ней, Эльза тут же обернулась на меня, взглядом нежелаящим, чтобы ее гладили. Затем встала и просто убежала, куда-то подальше от меня. Кошки, они как женщины. Ты им нравишься, они ласковы с тобою, пока им что-то нужно от тебя, после того, как они получили желаемое, они сбегают. Или мне просто не везло с женщинами, да и вообще, мне редко когда везет, я магнит для всякого дерьма, неприятностей и проблем.

Чайник вскипятился, пора потребить дневную дозу кофеина, и наслаждаться кабельным телевидением, которое я так и не опробовал, с того времени, как мне его подключили. Заварив себе кофе, я отправился в свою спальню, поудобнее устроился в своем раздвижном кресле, стоявшем возле кровати, и включил телек. Звук пришлось сделать громче, из-за непрерывающегося уже целую неделю проливного дождя. Ночью по кабельному крутят всякий мусор, вроде повторов вечернего шоу, старых футбольных матчей, и черно-белые фильмы ужасов или заезженные комедии. Меня, к сожалению, или к счастью, ничего из этого списка не привлекало. Продолжив листать каналы, в надежде найти хоть

что-то адекватное и спокойное, дабы трещало на фоне, пока я занимаюсь своими делами, я наткнулся на кое-что любопытное. Это было очередное шоу, но не такое где обсуждают политику и новости недели с всякими псевдоумниками из университета под названием «Хрен пойми, где это вообще находится». Нет, в этом шоу сидели два парня, один слева, второй справа, посередине них находился маленький столик, на котором была электронная табличка, где показывался случайный набор слов, из которых этим парням нужно было придумать сюжет для фильма, шутку, стихотворение, или просто бредовую историю, в общем, на их выбор, после этого зрители в прямом эфире голосовали, у кого лучше это получилось. М-да, в принципе шоу дерьмовое, не зря его показывают исключительно ночью, но для бормочущего фона, вполне сгодится.

Допивая свой кофе, я включил автоответчик, мне не хотелось слышать в очередной раз о том, что я задолжал квартплату, но вдруг, там что-то важное. Пропустив три сообщения от своего арендодателя, я уже решил выключить автоответчик насовсем, но оказывается, у меня было еще пять, о господи, целых пять сообщений от неизвестного номера. Я уже говорил о том, что притягиваю неприятности? Ничего хорошего от этого не стоило ожидать.

В конечном итоге, я принял решение не прослушивать эти пять сообщений, о чем позже пожалел. Мое внутренне я говорило мне, что меньше знаешь – крепче спишь, а мой сон

и так был не важным, особенно последнее время. Этого аргумента хватило, и, к моему будущему сожалению, мне пришлось послушать свое внутренне «Я». Приступы бессонницы начали одолевать меня все чаще, первое время это не было так мучительно, я мог спать по 5—6 часов в сутки, спустя какое-то время, большой удачей было и 3 часа. После того, как я начал видеть галлюцинации и «пропадать» из реального мира, мне пришлось обратиться к врачу. Что же сделал врач? Конечно, выписал снотворное. Теперь я сижу на таблетках и сплю по 8 часов в сутки. Я избавился от одной проблемы, обменяв ее на другую. Так и живем.

Получив зависимость от таблеток, я попытался избавиться от этого дерьма, запихнуть его как можно глубже и забыть об этом. Но как оказалось, дерьмо имеет свойство всплывать. Таким способом, данная проблема не решалась, поскольку спустя месяц моей «завязки», бессонница вернулась со своими новыми друзьями, знакомиться я с ними не хотел, но она и не спрашивала. Их было трое, друзей, одного звали «Бешеная ломка», второго «Галлюцинатор», ну а их подругу звали «Черепно-дробительная головная боль». Да, наше знакомство прошло не совсем удачно, во всяком случае, для меня это точно. И вот, заветная пачка таблеток снова поселилась у меня в тумбочке, дабы временно избавлять мою больную голову, от не менее больных и безумных «друзей» бессонницы.

Я не чувствовал себя наркоманом, по крайней мере, я

не готов когонибудь убить ради дозы, а значит пока все в порядке, все под контролем. Почему пока? Не знаю, всякое бывает, моя удача уже давно собрала свои вещи, и свалила от меня громко хлопнув дверью, не оставив даже прощательную записку. И я остался один, без пристального наблюдения этой непредсказуемой и спонтанной леди. Это означало лишь одно, произойти может что угодно.

Сидя в своем кресле, и читая книгу под названием «Что делать, если ты ненавидишь людей», под бредовое бормотание тех двоих, из того дерьмового шоу, я совсем забыл про свою работу. Но, чересчур звонкая и раздражительная мелодия будильника, решила мне напомнить о ней. Как можно агрессивней ударив по будильнику, я его вырубил и начал собираться на работу. Что ж, теперь мне понадобится еще одна книга – «Что делать, если ты ненавидишь людей и свою работу».

Собравшись, я выключил телек и отправился туда, где мне предстоит целый день наблюдать вокруг себя разной степени идиотов, которые будут громко, дабы на них обратили внимание, обсуждать как они «круто» провели свои выходные, что сейчас в моде и новую серию очередного всем надоевшего ситкома. На улице по-прежнему, нарушая утренний покой полусонного пасмурного города, хреначил изо всех сил дождь, да так, словно богу осточертели безумные людские выходки, и он решил устроить второй всемирный потоп.

Я стоял на крыльце, под навесной крышей и устало, за-

мученным взглядом, всматривался в серые и намокшие дома. Кто-то уезжал на работу, кто-то еще продолжал смотреть яркие сновидения в мягкой постели, а кто-то с утра уже нажрался и начал буянить. Крики были слышны даже сквозь льющийся, что есть мочи, ливень. Это был мой сосед, Вадик, его дом находился на противоположной стороне улицы, третий слева от дома, что стоял, прям напротив моего. Надеюсь, вы поняли. Осторожно, сейчас будет грустная история, каких вы, наверное, не слышали никогда в своей жизни. Раньше он был обычным мужиком, работягой, как и все алкоголики, они все кем-то были в прошлом, у него была семья, и двое детей. Жена была примерной и хозяйственной женщиной, симпатичная, тихая, скромная. Дети? Скажу лишь, что они были обычными детьми, шумные, наивные и ничего не понимающие во взрослой жизни. Проблемы с алкоголизмом у Вадика проявлялись еще до того, как он превратился в того, в кого превратился. Поговаривали, что это из-за сложных отношений с женой, и то, что эти отношения были сложными, было отчетливо видно, по неумело замаскированным синякам на ее лице. Все началось с того, что ее подруги застали Вадика с предполагаемой любовницей в местном баре, и сразу рассказали об этом его жене. Громкий скандал, вопли на всю улицу, напуганные и непонимающие взгляды детей, наблюдающих через окно эту картину. Но в этот раз Вадика удалось вымолить прощение, благо его жена была либо святой, либо дурой. Скорее второе. Ведь избиения продолжа-

лись, как и его постоянные измены, правда, учась на своих ошибках, Вадик лучше стал замечать следы и скрывать свои похождения налево. Позже, и у детей начали проскальзывать ссадины и синяки, от чего замечавшие все это соседи, решили позвонить в полицию и родительский контроль. Спасибо им за это. Осознав, что теряет семью и что вся его жизнь катится под откос, Вадик долго умолял жену не уходить, обещал измениться, но было уже поздно, всем нам известна одна истина – не верь не единому слову алкоголика или наркомана. В итоге, Вадику запретили приближаться к жене и детям даже на километр, но жена, решив подстраховаться, переехала в другой город с детьми, исходя из того, что Вадик упрямый и тупой, он бы им покою все равно не дал. С каждым днем мой сосед потихоньку превращался из человека в пивной сосуд, изрыгающий лишь невнятные звуки и мычания. Прошел год с того момента, он ни капли не изменился, и вот новое утро – а крики все те же. Наверное, опять привел очередную шмару, такую же, как и он, пропитую до нитки, а что ему еще остается? Осознание того, что он разрушил и потерял самое дорогое, что у него было, будет гложить его до конца его бессмысленных и жалких дней, пока он не умрет от цирроза печени или от алкогольного отравления. Жестокая правда, ничего не поделать.

Жалкое зрелище. Успокаивает одно, обычно люди, вроде нашего Вадика достаточно безобидны, в силу своего алкоголизма. Его организм рушится, тело ослабевает, ничего

серьезного он не способен сделать, разве что он развалится посреди дороги, тем самым, мешая проезжающим автомобилям. Единственное, что тебя тревожит, смотря на таких «сломанных» людей, это страх того, что однажды ты помотришь на себя в зеркало и обнаружишь, что ты стал таким же, как и они. Я достал пачку Marlboro, что хранилась в моем кармане уже третий день, и которую я пообещал себе достать лишь в том случае, когда станет совсем хреново. Ровно три дня назад, мне пришла в голову идея бросить курить, помимо зависимости от таблеток, наличие еще одной, меня начало смущать. Вообще, передо мной стоял выбор, бросить таблетки или курить, и мне понадобилось несколько минут, чтобы решить этот вопрос. Без таблеток я не смогу спать, а без сна я не смогу жить, все было на поверхности. Как вы поняли, я продержался три дня, не сказать, что это было легко, но и весьма не трудно. Сигареты служили для меня неким перерывом, в основном для снятия стресса или чтобы перезагрузить мозги. Зачем я достал сигарету и закурил ее? У меня был стресс. Я медленно выдыхал дымообразный яд из своих легких, и наслаждался каждой затяжкой, каждая из которых сокращала мое существование в этом прекрасном мире. По сути, сейчас я выкурил 5 минут своей жизни, 5 бессмысленных, пустых, бесполезных минут своей жизни. Если посчитать, в день я выкуриваю по полпачки, а значит, каждый день я сокращаю свою жизнь на 50 минут. Странно об этом думать, особенно в процессе курения сигареты, но забавно

то, что я все равно продолжаю курить. Я сделал этот выбор осознанно, осознанно убиваю себя, медленно, но верно. Чувствую себя нерешительным самоубийцей, который вместо того, чтобы сигануть с крыши, выбрал одновременно самый верный и самый медленный способ убить себя. Мол, пока не точно уверен в своих желаниях, не определился подыхать мне или посмотреть, что будет дальше в моей жизни, поэтому выбрал вариант, при котором и то, и то осуществится.

Докурив, я кинул бычок в пепельницу полной воды и как можно быстрее добежал до своей машины, дабы сильно не промокнуть. Усевшись в свою металлическую крепость от проливного дождя, я еще пару минут молча сидел и всматривался в лобовое стекло, и на то как обрушиваются на капот гипнотизирующие капли непрекращающегося ни на минуту ливня. В один момент я закрыл глаза, и устало выдохнув, облокотил голову на подголовник, мои веки стали тяжелеть, да так, будто каждое из них начало весить по килограмму. Я зажмурился, побил себя по щекам и попытался расслабиться, не помогло. Меня клонило в сон, жесткое старое сиденье моей клячи, стало казаться самым мягким и удобным местом во всей гребаной вселенной. Я и не заметил, как мой разум и мое тело стало погружаться в успокаивающий и беспечный мир красочных сновидений. В мою голову уже закрадывалась мысль о том, чтобы позвонить начальнику и сказать, что мне нездоровится, дабы отправится домой и плюхнуться в кровать, проспав целый день. Как вдруг, всю идиллию на-

рушил резкий и громкий стук по стеклу. Мои глаза с трудом разлепились и от неожиданности стали осматривать приборную панель, не знаю зачем. Наверное, так организм приходил в себя. Стук продолжался. Наконец, поняв, что происходит, я открыл окно. Господи, снаружи, промокший до нитки, явно с дикого похмелья, стоял Вадик.

– Здарова, сосед.

– Ага, привет, – лениво и невнятно пробормотал я.

– Слушай, выручай, я тут, к себе одну дамочку пригласил на ночь, потратив все свои сбережения на романтический ужин, там вино, все дела, ну ты понимаешь, утром проснулись с ней, а денег нет, представляешь, я пытался свои заначки пошарить, вообще ниче не нашел, а ей на работу нужно...

– Знаешь, мне тоже нужно на работу, так что, давай ближе к сути, – перебил его я, не желая слушать эту увлекательную предысторию.

– Ладно, понял, в общем, мог бы ты мне одолжить денег на такси, чтобы я ее отправил на работу?

– На такси? Сколько?

– Ну, не знаю, рублей двести, должно хватить.

– А когда вернешь?

– Верну на днях, ты же меня знаешь, – звучало крайне неубедительно.

– Да, знаю, поэтому и спрашиваю.

– Да ладно тебе, так, одолжишь или нет? – Ему на ногах то было трудно стоять, а его прокуренный хриплый голос дро-

жал, так же, как и его челюсти, то ли от холода, то ли из-за того, что он весь промок, то ли из-за жуткого похмелья, а скорее из-за всего сразу.

– Так и быть, держи.

– Спасибо, выручил, сосед, я все отдам, клянусь!

– Иди уже, с богом.

– Еще раз спасибо! – С этими словами, он побежал к своей очередной «возлюбленной», я, молча, кивнул ему в след и закрыл окно.

Я снова устало выдохнул и случайно мой взгляд попал на зеркало заднего вида. Мне стало интересно, что там за дамочка такая, как выразился Вадик. Обернувшись к заднему лобовому стеклу, дабы получше разглядеть эту даму, я увидел растрепанную, неряшливо одетую, в старом рваном пальто, на десять раз переклеенных ботинках, судя по толстому свисающему слою клея на подошве, размазанной помаде, и такими мешками под глазами, что в них можно было уместить все ее женское барахло, которое являлось содержимым ее бледно-розовой промокшей сумки. Выражение ее лица, не выглядело счастливым, скорее зажатым, будто сзади нее кто-то стоял, и прижимал дуло пистолета к ее спине, а ее взгляд был таким, беспомощным, кричащим, словно она хотела побыстрее сбежать отсюда и забыть эту ночь навсегда. Хотя, может, ночка у них и в правду не задалась. Успокаивает одно, синяков на ее лице не было, значит Вадик не дебоширил, или он бил ее в живот, по ляжкам, спи-

не, и под старым пальто, скрывается полное гематомами тело. Не знаю, разбираться мне не хотелось, тем более никаких особых фактов указывающих на избиение не было, да и лишний раз наводить шуму тоже не стоило.

Я протер глаза, собрался с мыслями, и запустив двигатель поехал на работу. Денек будет тот еще, моя интуиция подсказывала, что рабочее время будет растекаться по часам, словно плавленное желе на тарелке, стоящей в жаркий день под палящим солнцем. Каждые 5 минут, я буду глядеть на стрелки часов, в надежде, что прошло около получаса, и расстраиваться, увидев, что это не так. Каждые 20 минут я буду подходить к куллеру, наливать себе бесплатной воды в эти маленькие пластиковые стаканчики и пить из них, как можно дольше, чтобы меньше работать, при этом оглядывая все рабочее пространство таким взглядом, будто сейчас меня вырвет потоком ненависти к этому месту и всем, кто там находится, и я заблую там всех и вся, от пола до потолка и мы все вместе захлебнемся в этой жиге злости и ненависти. А по возвращению домой, я приму свои таблетки и отправлюсь покорять мир сновидений, как это обычно и бывает.

По дороге на работу, я пытался выжать максимум из этой поездки, слушая утренние эфиры по радио и наслаждаясь отсутствием большого количества людей на улицах, и возможностью покопаться в своей голове, в поисках оправданий тому, почему я до сих пор не уволился к чертовой матери.

К какому выводу я пришел, за все это время? Ну, людям тяжело выходить из зоны комфорта, это, прежде всего стресс, это как начинать все с чистого листа, не каждый на такое решится. Нас привлекает стабильность, спокойствие, мысль о том, что мы знаем о завтрашнем дне, какой он будет, что нам придется делать, и даже ничего не нужно планировать, это уже сделали за нас, жизнь по расписанию, вот, что нам нужно. Или мы так внушили себе, из-за страха того, что нам придется засыпать с мыслью о неизвестности завтрашнего дня, из-за того, что тебе не нужно никого слушать, ты будешь сам по себе, и от этого нам страшно. Мы не боимся потерять свободу, мы боимся ее обрести.

Вот, здравствуй, то место, куда я прихожу 5 дней в неделю, для того, чтобы увидеть тех, кого я так люблю и считаю своими друзьями, наконец, получить похвалу от своего многоуважаемого мною начальника, и провести этот замечательный день, общаясь с теми, кого я не знаю, но все равно улыбаясь во все свои 27 зубов, буду рад с ними поговорить и помочь сделать правильный выбор.

– Привет, Эд, – это наш администратор Ольга, всегда улыбчивая, делающая вид, что ей все равно на ее лишний вес, ровно три года назад развелась с мужем, после чего начавшая злоупотреблять алкоголем, из-за чего не раз получала выговор от нашего начальника, потерявшая надежду найти нового мужика, женщина в возрасте.

Она всегда меня приветствует одной и той же фразой, вот

уже на протяжении пяти лет, и смотрит так, словно я Иисус, спустившийся с небес, способный по щелчку пальцев, скинуть с нее пару десятков лишних килограмм. И, если честно, к ней у меня особо нет никаких чувств, не положительных, не отрицательных, мне даже ее немного жаль, она бедная женщина, попавшая под грубый и неожиданный удар судьбы, который расколол ее как фисташку, превратив все ее страхи в реальность, что ж, от такого, и я сошел бы с ума.

Я неспешно проходил сквозь забитые, разным канцелярским хламом, столы моих коллег, в надежде, что никто из них не обратит на меня внимания, и не станем допытывать своим пустым и никому не нужным бредом. Как оказалось, мне почти удалось обойти всех, с кем я работал, и, подумав уже с облегчением выдохнуть, я услышал мерзкий, слегка надменный, и вальяжный голос Эдика. Твою мать, какого хрена ему нужно?

– Эй, кого я вижу, здорова дружище, как провел выходные?

Мы с ним не друзья, и интересуется он у меня тем, как я провел выходные, не ради дружеского интереса, а чтобы позабавиться лишний раз, мол, посмотрите, Эд опять сидел дома, совсем один, жрал свои таблетки, ведь ему не спиться, ну да, ну да. В общем, я давно знал, что все они думают, что я наркоман сраный, об этом мне рассказала секретарша нашего начальника, а она в нашем офисе самый надежный источник информации и самый не надежный ее хранитель.

– Во-первых, мы не друзья, во-вторых, тебе же все равно плевать, как я провел выходные, а значит, не вижу смысла тратить время на этот бессмысленный разговор.

– Оу, Эд, ты опять забыл его дома? – Спросил он, корчив дибильную грустную гримасу.

– Забыл, что?

– Свое хорошее настроение.

– Ха-Ха, классная шутка, остряк.

– Спасибо!

– Это был... Хотя ладно, не буду перегружать твой мозг, тебе еще разбираться с кофемашиной, как в прошлый раз, она же так сложно работает, нужно быть гением, чтобы понять такую систему. Хотя, неет, ты, наверное, опять будешь ждать, пока, ктонибудь пойдет налить себе кофе, и попросишь его захватить тебе тоже, да? – Я серьезно, он не может разобраться, как она работает.

– Чего? Умею я пользоваться кофемашиной.

– Ну да, ну да. – Теперь мое время корчить дибильную рожу, только уже ухмыляющуюся.

После моих слов, его лицо слегка покраснело от стыда, после он странно на меня посмотрел, и, отвернувшись, начал копать у себя в столе, делая вид, что ищет что-то важное. Самозащита. Или абстрагирование, многие так делают, когда начинается какая-то неловкая ситуация, для человека, которая затрагивает его личные страхи или переживания, он утыкается в телефон или начинает что-то быстро делать, тем

самым, уходя от неловкого момента. Знаю, по себе.

Сев за стол, я включил компьютер, достал карандаш, с моими инициалами, у меня таких штук 50 дома, не знаю, зачем они мне. Просто однажды я был в каком-то магазинчике, где были всякие интересные сувениры, безделушки, и у меня были с собой деньги, которые, по всей видимости, я хотел бездумно потратить на какуюнибудь хрень. То, что предлагал мне продавец, молодой пацан, не слишком меня впечатляло, вроде футболок с названиями культовых рок-групп или часы, которые идут в обратную сторону, наверное, это еще бесполезней карандашей с твоими инициалами, поэтому я их и выбрал. Но, дело даже в том, что это не я попросил их выгравировать, а в том, что они уже были такие, готовые. То бишь, мои инициалы уже были на них, это меня удивило, и я скупил их все. Я спросил пацана, что они значат, эти буквы, а он ответил, что приходил один мужчина, и принес 70 карандашей, и попросил выгравировать на них эти буквы, а затем, просто не вернулся за ними. Вот же странная херня, иногда совпадения этой жизни меня просто поражают. Когда такое случается, мне кажется, что где-то в «матрице» произошел сбой.

Компьютер загрузился, пока я вспоминал эту историю и черкался в своем блокноте. Мне предстояло надевать наушники и пытаться втюхивать нашу продукцию, сумасшедшим домохозяйкам и одиноким холостякам, которые покупают стиральные машинки и посудомойки, сами не имею-

щие ни малейшего понятия, как ими пользоваться. Да, я был кем-то вроде продавца-консультанта, в не очень популярном интернет магазине бытовой техники. С моим образованием никуда не брали, и так сложилось, что спустя множество попыток устроится хоть куда нибудь, меня взяли туда, где нужно постоянно общаться с людьми, а как вы поняли, мне не очень нравилось вообще с кем-либо общаться, вот уж, ирония судьбы.

– Эээээд? – Донесся ленивый и раздражительный сверлящий мозги, голос, нашей секретарши.

Ей было лень поднять свой зад, чтобы дойти до меня, а не орать через весь офис, ведь она опять красила ногти или читала журнал со знаменитостями.

Черт возьми, что я сделал? Наверяд ли, она хотела спросить у меня совета, в какой цвет ей покрасить свои длинные и страшные ногти на этот раз. Возможно, меня вызвал босс, хотя и причин для этого я не находил, по крайней мере, пока шел до секретарши и перебирая в голове всевозможные варианты, не обнаружил ни одну.

– Что?

– Не что, а здравствуй, Эллин.

– Я серьезно, зачем ты меня звала?

– Я тоже серьезно, Эд, разве мама не учила тебя хорошим манерам?

Высокомерная стерва, она думала, что что-то значит, раз была любовницей нашего начальника. Наивная девочка, она

была лишь доступной игрушкой, в руках капризного мальчика, который получал все, что заблагорассудится его гнилой душонке, а когда он что-то не получал, начинал психовать и брать это силой. Пройдет время, и он найдет более яркую и блестящую игрушку, а предыдущую выкинет на свалку обмана и разбитых сердец.

– Здравствуй, Элин, зачем ты меня звала? – Без тяжелого вздоха не обошлось.

– Так-то лучше, Эд, в какой цвет мне покрасить ногти, бледно-розовый или в бирюзовый?

– Ты что, издеваешься?

– Да, я понимаю, мне тоже трудно решить в какой именно, это и правда издевательство, поэтому я тебя и позвала.

– Почему меня, а не, допустим, Ольгу?

– Фу, ты чего, она же толстая! – Аргумент всем аргументам.

– А это имеет значение?

– Конечно, глупыш, это означает, что она не разбирается в красоте и моде, раз даже за собой не в состоянии ухаживать.

– А я, по-твоему, разбираюсь?

– Ну, ты мужчина, твой мужской взгляд может быть полезен.

– Господи, по мне видно, что я разбираюсь в этой херне? Или, по мне видно, что мне не наплевать?

– Не понимаю твоих намеков, так, ты поможешь или как?

Смотри, бирюзовый подходит к моим глазам, а бледно-розовый к рубашке, какой лучше?

Зачем я вообще продолжал с ней говорить? Нужно было, просто сказать какой цвет и вся эта демагогия уже бы закончилась.

– Бирюзовый.

– Правда? А мне больше бледно-розовый нравится, видимо, ты точно в этом ничего не понимаешь, зря только потратила время, могла и Эдика позвать.

– ... – Пытаюсь, удержать свой гнев.

– Но, все равно спасибо.

– Не за что, надеюсь, на этом все? – Ответь положительно, прошу.

– Да, вроде все.

Наконец-то! Этот разговор был настолько утомительным, что в какой-то момент, я начал считать ее родинки на ключицах, насчитал 13, но боюсь, что парочку пропустил. В прочем, я сам продолжил с ней беседовать, если этот набор бессмысленных предложений, можно назвать беседой. Радует одно, боссу от меня ничего не было нужно, его кабинет – это настоящий ад. Попадая туда, ты попадаешь в комнату допросов и морального давления. Там не существует законов и правил, и все, что было в этой комнате, не уходит дальше ее порога. Начальник хитрожопая скотина, думающая, что ему можно все, а если ему что-то и нельзя, он найдет способ, как сделать это.

– Ах, да, Эд, тебя босс вызывал к себе, я чуть и не забыла. Лучше бы ты забыла, хотя тогда бы он вызвал тебя, ты бы точно с этим дерьмом не справилась. Лучше я, чем безобидная и глупая девчушка.

– Зачем?

– Зачем, что?

– Зачем, он вызывал меня?

– Мне-то откуда знать, иди и спроси, но, предупрежу тебя, судя по голосу, он не в духе, имей в виду, – зачем она подмигнула?

– Понял, ну что ж, пожелай мне удачи, – а она мне понадобится.

– Удачи, Эд, – сказала она, нежно дую на свои, еще мокрые от лака, ногти.

Вот он, кабинет босса, место, которому я предпочел бы преисподню. Я осторожно открыл скрипучую дверь, скрип которой, создавал еще более напряженную обстановку в этой комнате страха для взрослых. Комната с темно-коричневыми обоями, довольно хорошим освещением, и насквозь пропитана сигаретным дымом. Посреди кабинета стоял большой деревянный ручной работы стол, по разные стороны него стояли кресла, черные и кожаные, у кресла, в котором сидят работники, была подпилена ножка, чтобы сидеть на нем было всегда неудобно, чтобы мы нервничали и чувствовали себя неуютно. Насколько я знаю, этот прием наш босс высмотрел в каком-то детективном сериале, и благополучно за-

помнив это, начал его использовать. Я аккуратно подошел к креслу, но садиться не стал, лишь смотрел, как босс докуривал сигарету и читал новостную газету. Я приготовился к худшему, и как оказалось не зря.

– Садись, Эд, – он даже сигарету изо рта не вынул.

– Нет, спасибо, я постою.

– Что, насиделся на рабочем месте?

– Да, можно и так сказать.

– А я считаю, что ты не хочешь садиться из-за подпиленной ножки, ведь так? – Он был абсолютно прав, но я в этом ему не признался.

– Какой еще ножки? Не понимаю о чем вы.

– Конечно, конечно. – Он по-прежнему читал газету, я даже его лица не видел, лишь поднимающийся вверх дымок от сигареты, показывался из-за газеты.

– Так, зачем вы меня вызывали к себе?

– Для начала, тебе все-таки, придется сесть.

– Хорошо, как скажете, – черт, оно было дико не удобным, это кресло, качалось так, словно я взял его с собой на пляж и отправился на нем в мореплавание, во время самого дикого шторма. Хотя нет, оно просто слегка нервно качалось из стороны в сторону, видимо, я преувеличил, с кем не бывает.

– Итак... Наверное... Ты хочешь узнать... Зачем я тебя вызвал? – Он специально выдерживал такие паузы, чтобы время подольше потянуть? Здесь и так было не очень уютно.

– Да. – Коротко и ясно, без всяких околопафосных пауз.

– А сам... Не догадываешься? – Если бы в жизни можно было ускорить время речи своего собеседника, я бы ускорил его в 10 раз. Ну, или промотал этот диалог совсем.

– Нет, сэр, не догадываюсь. – По-прежнему, коротко и ясно.

На этом моменте он опустил газету на уровень своего маленького носа, как он вообще мог им дышать, его нос, наверное, занимал одну двадцатую его лица, раньше я этого не замечал, кошмар. Он взял сигарету и затушил ее о пепельницу и нахмурил свои густые брови, он зол, это не к добру.

– Ты опоздал, ты опоздал... Сегодня на 15 минут... Что ты скажешь об этом? – Скажу, что если бы я опаздывал на работу и решил спросить у вас дорогу, я бы явился в офис только к вечеру.

– Ну, у меня не заводилась машина, и мне пришлось немного покопаться, чтобы исправить неполадки.

– Да? И... В чем же была проблема?

– Нужно было... – теперь и я начал делать паузы, потому что генерировал и перебирал варианты ответа в своей голове, – в общем, оказалось, что кончился бензин.

– Бензин, значит, ну ладно, и часто... У тебя «кончается бензин»? – Кавычки поставил я, мысленно, ведь исходя, из его тона он не верил ни единому моему слову.

– О чем вы, сэр? – Тут становится жарковато, не так ли? И утомительно.

– О том, – его тон повысился в два раза, – что ты опазды-

ваешь слишком часто, только на прошлой неделе ты опоздал на работу четыре раза, то есть, во все рабочие дни, кроме пятницы, может тебе стоит отвезти свою «машину в автомастерскую»? – Тут кавычки, уже поставил он.

– Сэр, больше такого не повторится, даю слово.

– Да нахрена мне твое слово, Эд, я стал слышать твои обещания, чаще, чем слышу голос своей жены! – Его тон превратился в ор.

– Так получается, что мне вам сказать, чтобы вы поверили?

– Ничего, Эд, ни-че-го... Ответь мне лучше, на один вопрос, ты принимаешь свои таблетки?

– Таблетки?

– Да, таблетки от бессонницы? – Черт, это-то он как узнал...

– Откуда вы знаете?

– Откуда? Ты мой работник, а я знаю все, о своих подопечных, – он подошел ко мне и наклонился к моему лицу, смотря мне в глаза, продолжил говорить, – это часть моей работы, знать все обо всех.

Он отошел от меня, и спасибо ему за это, а то было как-то неловко, и медленно шагая у меня за спиной, подошел к своему шкафчику с алкоголем, попутно разговаривая со мной.

– Ольга выпивает, и комплектует по поводу лишнего веса, ну я полагаю, ты и сам это знаешь, Эдик посещает анонимный клуб «Клептоманов», об этом я узнал после того, как

побывав у меня в кабинете, он спер мою пепельницу, как я догадался, что это он? Во время обеда, я обыскивал ваши шкафчики, а из шкафчика Эдика, подозрительно несло запахом потушенный сигарет, притом, что он не курит, обыскав его куртку, я обнаружил там свою пепельницу. После мне стало интересно, что им движет, и я проследил за ним, в итоге он привел меня в клуб анонимных «Клептоманов», так я и узнал. Ах, ну да, еще и кофемашиной он не умеет пользоваться, но это мелочи. Эллин, я с ней сплю, полагаю и об этом ты тоже догадывался, а еще у нее ровно 17 родинок на ключице, и больше ни одной другой по всему телу, и она верит, что это какой-то знак, считает себя избранной, мол, она самая удачливая женщина в мире, как это связано? Ну, по ее словам, каждая ее новая родинка появлялась после какого-то странного случая, происходящего с ней, то она выигрывала в лотерею, то была миллионным покупателем. Еще однажды она вышла из такси, потому что у нее не хватало 14 рублей, и поднялась в квартиру, чтобы взять их, а на машину сверху упал кондиционер, прям на то самое место, где сидела она, и упал он с 14 этажа, в то время, как у нее в этот момент было 14 родинок, после появилась пятнадцатая.

– Это удивительно, но, вам не кажется это странным?

– Конечно, кажется, столько совпадений, хотя, я считаю, она это выдумала.

– Нет, я не об этом, я о том, что следить за своими рабочими, вторгаться в их личную жизнь, по-моему, эти методы,

слегка странноваты.

– Что? Странноваты? Я так не думаю, понимаешь ли, Эд, это как бы, входит в мои обязанности, я должен знать о том, как вы думаете, живете, вне этого кабинета, вне этого здания, какая у вас жизнь, что вы делаете, чем занимаетесь, мне это важно.

– Звучит жутковато.

– Может быть, мы отошли от темы, так, ты принимаешь свои таблетки?

– Да, сэр, принимаю. – Он по-прежнему стоял у меня за спиной и время от времени попивал свой коньяк, запах которого, распространился на весь кабинет, от чего воздух здесь, словно загустел, и принял форму осязаемого душистого тумана.

– Это хорошо, тебе становится лучше, Эд?

– Иногда.

– Это точно таблетки от бессонницы, Эд? Может, ты что-то скрываешь? – Все, что я скрываю, это себя от реального мира, который каждый раз настигает меня, снова и снова, бьет мне в голову, заставляя почувствовать себя растерянным и разбитым, а после оставляет меня в одиночестве наедине с собой, одного и обезоруженного.

– Нет, сэр, я ничего не скрываю.

Он поставил стакан, подошел к своему столу, открыл блестящий стальной сейф, и достал молоток. И это были уже не шутки, что он собирался сделать?

– Знаешь, я вижу, когда мне врут, прекрасно это вижу по твоим бегающим из стороны в сторону глазенкам, и по твоему учащенному дыханию.

– Наверное, это из-за молотка, сэр, да и жарковато здесь стало. – Он псих, Эд, кажется, он окончательно поехал головой, тебе нужно уходить!

Черт, идиотское кресло, я вцепился в него своими руками и всем телом так, словно оно являлось частью и продолжением меня, сиамский близнец в виде кресла. Так, наверное, и чувствуют себя офисные клерки, их задница приняла форму кресла, а они уже и не хотят вставать, это их жизнь, они роботы, пожизненные и обреченные на вечную скуку и тягу к иллюзиям о карьерном росте, что ж, печально, ведь я один из них.

– Молоток? Точно, нужен гвоздь, сейчас, – он выдвинул подстольный шкафчик, достал оттуда пачку с гвоздями и вынул один среднего размера идеально блестящий гвоздь, способный пробить мою руку насквозь, и подошел ко мне, – чуть не забыл, как ты думаешь, зачем мне это все?

– Боюсь даже представить, сэр, но, чтобы вы не задумали, это не лучшая идея.

– Да? И почему же?

– Так нельзя поступать, не делайте этого. – Гребаный пот со лба, начал течь так, что по ощущениям моя переносица превратилась в чертов Ниагарский Водопад.

Кресло продолжала качаться из стороны в сторону, но я

старался это контролировать, пока выходило не очень. Это самое неудобное кресло в моей жизни, сидя на раскаленном щепке, мне было бы удобнее.

– Я считаю иначе. Не буду тебя томить, а то что-то ты нервничался, – и это вообще не удивительно, мать твою, с чего бы мне нервничать, – мне нужна твоя помощь, прибежь, пожалуйста, вот эту картину?

– Что?

– Картину. Вот она, лежит на столе прямо перед тобой.

Какого? Как это произошло? Там и правда лежала картина, на столе, в деревянной рамке, зеленовато-болотного цвета, а за стеклом красовался нарисованный в мрачных тонах ручей, пролегающий сквозь дождливый лесок, деревья в котором, наклонились в сторону, видимо из-за ветра, а среди густой листвы, на заднем фоне красовался большой и серый... Волк?

– Она все это время была на столе?

– Да, с того момента, как ты вошел в кабинет.

– Необычная картина, это, ваша работа?

– Так точно, я ездил на выходных, в городок под названием Ветров, тихое место, где можно побыть с собой наедине, и природа мне там нравится, собственно, там я и нарисовал эту картину.

– Это, реальное место, или вы нарисовали это из головы?

– Может, и реальное. Леса, они же все одинаковы, не так ли?

– Наверное. – Он неплохо рисует, я думал, мой босс ничем не сможет меня удивить, но в этот раз, ему удалось это сделать.

– Прибей ее возле шкафа с алкоголем, на стену, что справа.

– Ладно, и все-таки, почему вы сами этого не сделаете?

– Тебе не кажется, Эд, что твои таблетки тебе не помогают? – Он пропустил мой вопрос мимо ушей, что бы это значило? Наверное, это личное, или он что-то утаивал, еще есть третий вариант, у меня разыгралась паранойя.

– Лишь иногда, сейчас тот самый случай, я не заметил картину, хотя, первым делом зайдя в кабинет, я обратил внимание на стол.

– Ничего, может, это обыкновенная рассеянность из-за недосыпа?

– Недосыпа? У меня спокойный и полноценный сон, я же принимаю таблетки, хоть и проснулся сегодня пораньше, чувствую я себя бодро.

– Ты уверен? – Как много вопросов, он пытается поставить под сомнение мое лечение, и у него начинает получаться.

– Да, я уверен. Все, картина прибита, теперь я могу идти? – Все это время, пока я возился с картиной, я смотрел на нее, и с каждой секундой она пугала меня все больше и больше, было в ней что-то такое, таинственное, жуткое, всматриваясь в нее внимательней, у меня мурашки по коже

пробежали.

– Знаешь, зачем я все это устроил? Уж точно не ради дешевого представления, это был эксперимент, и он оправдал себя, но не тебя.

– О чем вы?

– У тебя руки трясутся, словно ты пил всю неделю, но ты не пьешь, насколько я знаю, по крайней мере, до такого состояния, так что, боюсь предположить – это ломка.

– Что за бред?

– Ты забивал гвоздь, два раза ты его чуть не выронил, ели держал его в руках, забил ты его криво, он погнулся, в итоге ты просто загнул его к стене, как еще ты это объяснишь? – Так, теперь точно нужно валить, мне это надоело, еще несколько минут с ним в одной комнате, и молоток будет использован, в качестве тупого, как и вся его теория о ломке, холодного орудия убийства.

– Я не собираюсь это выслушать, думаю, мне нужно идти работать.

– Беседа не закончена, я бы на твоём месте не откладывал ее, возможно, тебе требуется помощь, нам нужно это обговорить, а иначе, все может кончиться плохо.

– Обязательно, но не в этот раз, и не в следующий, наверное, вообще никогда.

– Заставлять тебя, я не имею права, поэтому советую обратиться к врачу, у тебя серьезные проблемы.

– Взаимно. Вам тоже требуется помощь врача, у вас с го-

ловой не в порядке.

Он изменился в лице, словно его верный и послушный пес сорвался с цепи и начал лаять на хозяина. Ему это было не по нраву, его глаза выдавали себя, будто преступник, который до комнаты допросов чувствовал себя уверенным как никогда, а после у него состоялся разговор с главным детективом, в этой самой комнате для допросов, где преступник и начал чувствовать страх, но лишь на секунду. Ничего, это была мизерная часть того, что я мог ему сказать, если бы я вывалил всю правду, он бы, скорее всего, схватился за молоток и пробил мне черепную коробку, поэтому я обезопасил и себя и его. И все-таки он ненавидел, когда ему перечат или не чувствуют страх перед ним.

– И кстати, Эд, у кресла не подпилена ножка, я нарочно, якобы случайно проговорился об этом Эллин, заранее зная, что она проболтается об этом всем вам, и следуя ко мне в кабинет, вы будет думать, только об этом.

– Но, оно же шатается.

– Нет, Эд, оно не шатается, – он облокотил свою руку на спинку кресла и попытался его подвигать из стороны в сторону, оказывается, кресло было прибито к полу.

– И это я, по-вашему, болен? Нет, все совсем наоборот. – Глаза-убийцы выдали себя во второй раз. Теперь страх перерастал в злость.

– Аккуратно, вы играете с огнем, можно и обжечься.

– С чего вы взяли, что я играю? Я лишь подливаю масла

в огонь, чтобы устроить пожар, и спалить вас к чертовой матери.

– Вы сами в нем и сгорите. – Меня одного начинает тошнить от этих дешевых пафосных фраз? Нужно это закончить, и больше не повторять.

– Мне нужно идти.

– Самовнушение, Эд, вам казалось, что кресло шатается из-за самовнушения. Это как ваша жизнь, только в ней все наоборот, вам кажется, что все уравновешенно и под контролем, что вы держите ситуацию в руках, но это не так, ваше кресло не шатается, оно вот-вот развалится.

– Всего доброго, приятно было поболтать.

Я вывалился из кабинета, закрывая за собой дверь так, словно за мной мчалась разъяренная толпа зомби, я прижался к ней спиной, удерживая их, чтобы они не прорвались сюда. Это было ужасно, я был весь в поту, мне оставалось только держать свои руки, чтобы не показывать, как они тряслись, и вытирать пот со лба, попутно делая глубокие вдохи-выдохи, будто я на занятиях по йоге.

– Как все прошло? – Господи, никогда бы не думал, что голос Эллин, способен доставить моим ушам такое удовольствие, я был искренне рад слышать его, хотя после такой беседы, наверное, даже звук скользящей вилки по тарелки, показался бы мне не таким противным и мерзким. А знаете, нет, этому звуку пока что нет конкуренции. Хоть и современная поп-музыка сильно старается.

Я посмотрел на Эллин, глазами человека прочувствовавшего на себе все худшие качества человека, слипшиеся в один вонючий и бессовестный комок жижи, который около получаса пытался облепить и склеить мои мозги, попутно подорвав их адекватность. Как-то так, я себя сейчас чувствовал.

Она до сих пор сидела все в том же положении и красила свои ногти. Я невольно начал смотреть ей на грудь и досчитывать родинки, а она подумала, что я таращусь на нее.

– Але, Эд, ты чего завис?

– И, правда, семнадцать, охренеть.

– Что? О чем ты?

– Нет, забудь, не бери в голову...

– Странный ты какой-то. – Еще бы!

– Да, после беседы с ним, по-другому и не бывает.

– Так, как все прошло?

– Лучше не спрашивать, это, было ужасно.

– М-да, понимаю тебя.

В ее словах на секунду проскочила беспомощность и боль, мне ее стало жалко, когданибудь ей перестанет везти и фортуна покинет ее, оставив внутри лишь ложную надежду на счастливое завтра и холодный труп наивности, а родинки на ее ключице оставят горестное напоминание о том, что когда-то она могла похвастаться своей удачей и была счастливой женщиной.

На этом мы и закончили наш диалог, я отправился на свое

рабочее место, пропуская мимо ушей все смешные штуки и подколы свои коллег.

– Эд, как все прошло, что-то ты грустный, может тебе стоит принять свои таблетки? – Эдик сегодня в ударе.

– Кстати, Эд, пока тебя не было, я воспользовалась твоим компьютером, и, похоже, он сломался, но ты ведь не злишься, правда? – Это Марианна, то есть, Марина, она просто глубоко верила в то, что ее полное имя – это Марианна. А еще она замужем за директором местной школы, у которого три года назад был роман с десятиклассницей, об этом писали все газеты, это был настоящий скандал. Его хотели посадить, но у него было достаточно денег на отличного адвоката, которому по итогу, почти удалось его оправдать, ему дали два года условного срока, мол эта десятиклассница сама на него набросилась, у него же в кабинете, чтобы он не выгнал ее из школы. Может, так и было, но кого это волнует. Марианна, то есть, Марина, этого очень стыдится, это и не удивительно, ее мужа считали, чуть ли, не самым порядочным мужчиной во всем городе, да и мужем он был завидным, при деньгах, а у Марины прям слабость к деньгам, и подарками она своими похвастаться любила, и тем, как у нее с мужем все прекрасно, какой он порядочный и верный. А после скандала, у них все прекратилось, они развелись, по словам Марины. На самом деле нет, она его стыдится, на работу ходит без кольца, всем говорит, что они разошлись, как она его ненавидит, ну что поделать, деньги Марина любит больше,

чем себя, и уважает их больше, чем свое достоинство. И почему я это рассказываю вам? Все они не имеют значения, они не главные персонажи, всем на них наплевать, хотя, может, вам и на меня наплевать, кто его знает. Мне надоело перечислять своих коллег и раскрывать их, рассказывая краткое описание каждого из них. Думаю, вы и так поняли, с кем мне приходится иметь дело на работе, пять дней в неделю, но, скоро все изменится. Раз и навсегда.

– Эд, пойдешь с нами на выходных в бар?

– Нет, ты что, он опять будет сидеть дома в полном одиночестве и разговаривать с самим собой, изображая воображаемых друзей, правда, Эд?

Можно подумать, будто я преувеличиваю, чтобы вы испытали, жалось ко мне, и отвращение к ним. Такой прием, перетягивание одеяла на свою сторону, я предрасполагаю вас к себе, но это не так, они и правда такие, какие есть. И они ненавидят друг друга, готовы глотки друг дружке разгрызть, выпить всю кровь и после, со спокойной душой искать новое место для подпитки своего эго. А пока, похоже, они сбились в стайку, чтобы добить меня, их агрессия совершенно, не оправдана, как и 90 процентов агрессии в наше время. Теория у меня есть, почему так произошло, но пока она не подтвердится, не буду ее раскрывать.

Я уселся за свой компьютер и он, правда не работал, возможно, вирусы, или какаянибудь другая хрень. Придется повозиться. На это уйдет время, может, пара часов, а может

и весь рабочий день.

На часах шесть вечера. Мой рабочий день окончен. Я починил компьютер спустя несколько часов, а остальное время помогал людям сделать главный выбор всей их жизни. Стиральная машинка на пять килограмм или на семь. Что ж, мое время кончилось, пора домой, все начали расходиться, кто в бар, кто домой к семье, кто в анонимный клуб «Клептоманов», а кто-то решил поехать на причал, побыть в одиночестве и подумать о жизни. Это был я. Сегодня был тяжелый день, не как все остальные, ни прошло ни минуты, чтобы я не думал о словах своего начальника, похоже, ему удалось посеять во мне долю сомнений, из которых выросла, пока еще не особо тревожная и навязчивая, но все же паранойя.

– Эд, ты уже уходишь? – Это была Ольга, и у нее был по-прежнему тот самый взгляд, она вообще снимает улыбку со своего лица?

– Да, как и все остальные.

– Тут, тебе кое-что оставили.

– Что именно? – Наверное, чья-то очередная остроумная шутка.

– Записку, и похоже, это что-то важное.

– Да ну? Правда?

– Держи, проверь сам. – У нее получилось заинтриговать меня, по ней было видно, что это никакая не шутка.

Я раскрыл конверт, на котором красовалась большая жирная печать, с изображением странного здания, напоминаю-

щего захудалую, обделенную божьим вниманием церковь, только вместо креста, на ней висел полумесяц. Странно, если честно, прочитав информацию, указанную на марке, я был озадачен еще больше. Письмо дошло до меня, прямым из города Ветров, того самого, что упоминал мой босс, в нашем, состоявшемся сегодня, напряженном разговоре. Мне стало не по себе, тревога растворилась, словно сладкая вата во рту, в более прожигающем чувстве для человека – страхе.

– Может, посмотришь, что внутри письма? – Ольга решила меня поторопить, видимо, ей самой овладело любопытство, которое, судя по выражению моего лица, было вполне оправдано.

– Да, да, сейчас.

Открыв письмо, я увидел лишь одну фразу, которая спровоцировала еще больший страх, упирающийся в стенки моего горла, заставляя мои руки дрожать, от чего буквы в письме стали расплываться и превратились в неразборчивые каракули.

– Ну, что там?

– Не важно.

– Да ладно, Эд, мне тоже интересно. – А мне то, как интересно.

– Это письмо от друга, мы с ним давно не виделись, вот, он решил написать. – Я почти угадал, сам того не подозревая.

– Врать ты научишься тогда, когда научишься улыбаться, Эд. Наверное, ни-ког-да. Ладно, если не хочешь, можешь

не говорить, проехали.

– Я умею врать. – Правда.

– До завтра, Эд.

– До завтра...

В письме было написано следующее:

«Проверь автоответчик. Времени нет, ты нам нужен».

Что это все значит? Это те, пять сообщений, которые я не стал проверять еще утром. Что бы, там не было, это ввело меня в ступор, и посеяло ощущение предстоящего события, вызывающего у меня преждевременный страх.

Путь до дома никогда еще не был, столь медленным и утомительным. Мне не хотелось возвращаться домой, еще и мои планы о поездке на причал были разрушены. Или нет? Моя голова, в данный момент отодвигала приезд домой на максимально долгий срок, ведь дома ничего хорошего меня не ждало, навряд ли в этих сообщениях говорилось о том, что я выиграл в лотерею, или, что мне достался огромный особняк у моря, где поблизости нет ни одного соседа. Нет, такие новости не сообщают по автоответчику, там явно было что-то плохое, неприятное, абсолютно выбивающее из колеи.

Черт, гребаное письмо, мои глаза то и дело, посматривали в его сторону, хоть оно и валялось на пассажирском сидении, складывалось ощущение, что все буквы ожили и отодрались от бумаги, зацепились за мой рукав, пробежали по нему и залезли мне в мозги, через ушные отверстия. Это черто-

во письмо не вылезало у меня из головы, вот я к чему. Мои пальцы всю дорогу судорожно били по рулю, голова не прекращала думать, а моя левая нога легко и непринужденно била по коврику, в такт джазовой музыки, доносящейся из колонок моего автомобиля.

Вот она. Развязка. Как в сказке, повернешь налево – легкий обдувающий ветерок, мягкий и мокрый песок, свежий воздух и красивый вдумчивый причал, направо – непредсказуемость, неприятности, дом. По-моему, выбор очевиден. Я повернул налево, оставляя все проблемы на том светофоре. Сделав радио чуть громче, я попытался расслабиться в своем кресле, немного откинув спинку назад, сосредоточившись на дороге, и на прекрасном радио Джаз. Сейчас там играла Шарли Хорн, с песней – Сделай это снова. Очаровательный голос, успокаивающая и умиротворяющая мелодия, все, что мне нужно в данный момент. Идеально.

Ужасный ливень успокоился и теперь покрывал дождь, создавая атмосферу вечной тоски и подчеркивая всю серость существования этого городка. Люди бродили по мокрым улицам, пряча свои угрюмые лица, от других людей, проскальзывающих мимо них, в надежде найти тех, кто заставит их улыбаться даже в столь пасмурный вечер. Был ли я исключением? Трудно сказать, как и трудно вспомнить, когда последний раз я улыбался. Правда, мне это никак не мешало жить, и я не чувствовал себя дискомфортно от этого, мое одиночество превратилось в неотъемлемую часть меня,

оно служило мне некоей защитой, от страданий, потерь и последующих последствиях всего этого. Все люди несчастны, кто-то полжизни, а кто-то несколько недель. Счастье не вечное состояние, у всего есть срок годности, как у хорошего, так и у плохого. Разница лишь в том, что за все хорошее, нам приходится платить, а все плохое, мы получаем бесплатно.

Дорога на причал не занимала много времени, от силы минут 15—20, смотря с какой скоростью ты ехал, и какой маршрут ты выбрал. Мне хотелось ехать, как можно медленнее, дабы отсрочить свое возвращение домой. Вокруг меня происходило множество действий, неправильных шагов, от людей так и веяло проблемами, что там от людей, даже от зданий, сотни тысяч историй, сотни тысяч жизней, у каждой из которых были свои заморочки, свои не приятности, это не давало мне покоя. Я сейчас не о том, что меня волнуют чужие проблемы, или, что мне жаль всех этих людей. Я о том, что, когда ты осознаешь весь давящий на тебя поток этого дерьма, что происходит вокруг тебя, всю глобальность и масштабность этого кома излучаемого в твою голову сигналы о собственной ничтожности, поставленной против самого себя, все твои проблемы автоматически ставятся под сомнения, и так же становятся ничтожными. Не знаю, как вы это поняли, и приобрело ли это предложение для вас хоть какой-то смысл, я лишь попытался выразить свои мысли наиболее понятным языком. Правда, в 12 лет, я катался на скейтборде, пытался, по крайней мере, и неудачно свалил-

ся с него, в момент приземления, моя челюсть захлопнулась, и я прикусил язык, и какая-то его часть навсегда отлетела на серый асфальт, так и, оставшись болтаться там, как беспомощная рыбеха, которую вынули на берег. Поэтому, у меня проблемы с тех пор, с высказыванием своих мыслей наиболее понятным языком. Странное ответвление, ну да ладно.

Вот и он. Безмятежный, спокойный и непринужденный, существовавший здесь в полном одиночестве – причал. Я заглушил двигатель, откинул сиденье, и наслаждался видом неторопливых волн, проходящих по озеру, мокрого и густого песка, на котором были выдавлены чьи-то следы, одни из них принадлежали собаке, а другие человеку, видимо, кто-то совсем недавно выгуливал здесь пса, а так же видом бескрайнего серого, как и все вокруг, загадочно-туманного неба.

Я убавил громкость радио до минимума, дабы слышать шум приливающих волн, и то, как где-то вдали лаяла чья-то собака, нарушающая мой покой. Это не сильно меня расстраивало, или злило, но ее лай со временем становился все громче и громче, порой мне казалось, что она зовет на помощь. Я пытался игнорировать, уже стонущий лай, этого неугомонного пса, рвущего себе глотку, но совесть выиграла во мне, и я решил сходить и проверить, что там случилось.

Мой шаг ускорялся, по мере увеличения беспомощности в лае безымянного пса, а глубина следов в песке от моих ног, становилась все глубже и глубже. Когда, я оказался на месте, мое выражение лица, приняло форму уставшего от влезания,

в различного рода, передраги, человека. Складывалось ощущение, что я служил приманкой, для всего существующего дерьма на этом сером свете. Что ж, наверное, это судьба.

Мокрый до нитки, пес жалко скулил, смотря мне в глаза умирающим взглядом, словно он ждал именно меня. Его лай прекратился, и всем своим видом, он говорил, чтобы я, наконец, взял себя в руки и спас его неуклюжую и мохнатую задницу. Он застрял, между двумя большими, черными, мокрыми, острыми, скользкими, валунами, которые находились около небольшого обрыва, наполненного водой, и бушевавшими волнами, что каждый раз окунали его с головой. На секунду у меня в голове проскочила мысль, развернуться, дойти до машины, сесть в нее, уехать домой и забыть к чертовой матери эту историю. К счастью, в ту же секунду мой мозг отверг эту мысль, и приказал мне спасти пса или до конца моих дней, он будет напоминать мне о том, что я его не спас, заставляя засыпать и просыпаться с этой мыслью, пока я сам не пойду и не утоплюсь в этом же овраге.

– Сейчас, песик, я тебя спасу, только не двигайся, все будет хорошо. – Будто, он понимал, что я ему говорю.

К моему удивлению, он и, правда понял, перестав двигаться, и уставившись в закат, и, словно в последний раз, начал любоваться на розоватое у самого солнца, озеро.

Мои ноги дрожали, руки тоже, а сердце билось, как... Черт, я даже не могу ни с чем сравнить, эмоции в тот момент, захватили мое тело, мой разум, и мне совсем было не до ду-

рацких сравнений.

Я, с предельной осторожностью, начал спускаться к собаке, аккуратно держась за острый выпирающий угол, одного из этих валунов, мои ботинки скользили по поверхности, как по маслу, в какой-то момент, я уж начал подозревать, что сейчас окажусь в объятьях этого пса и мы вместе нырнем в этот овраг. Перспектива не из лучших, но все прошло довольно не плохо. Я дотронулся до шерсти этого безымянного малого, и, почувствовав уверенность в том, что не свалюсь сам, я схватился за его шерсть, и попытался потащить его на себя, что только посеяло безнадежность спасения в глазах утопающего. Да, он и, правда, посмотрел на меня такими глазами, словно говоря мне:

– Парень, ты, конечно, хорош, но лучше бы тебе позвать когонибудь на помощь, например, того, у кого руки не из задницы, пока мы оба не оказались в этом овраге.

– Не буду я никого звать, я справлюсь самостоятельно, доверься мне!

Господи, я разговаривал с псом, когданибудь, это должно было случиться. Я, конечно, подозревал, что когда стану стариком, буду разговаривать со своими домашними животными, и не только своими, но мне всего 31, рановато для подобных действий. Может быть, мне предавало это уверенности, и я говорил за пса, лишь теми фразами, которые когда-то уже слышал от людей, или от своих близких?

– Справишься? Ты никогда не справляешься, вспомнить

хотя бы твой выпускной...

– Чего? О чем ты?

– Ты хотел пригласить ту девчонку, кажется, ее звали Рита, красивая, словно этот красный закат, а ее щечки, как те два розовых облака, помнишь?

– Какого? Откуда ты это знаешь?

– У тебя ничего не вышло, ты шел к ней, как гребаный зомби, в своем нелепом костюмчике, что-то ели мямлил, кое-как поздоровался с ней, предложил выпить шампанского. Она согласилась, и ты начал открывать его, тряс его за чем-то, а сняв проволоку с пробки, она вылетела, как пуля, прям в лоб директора школы, а все шампанское вылилось на ее вечернее белоснежное платье, все в духе дибильных комедий, там еще все родители были, включая твоих. Ты, наверное, до сих пор вспоминаешь эту историю?

– Что за...? Тебе лучше помолчать, я тебя спасаю, все-таки!

– А ты помнишь, как твой отец учил тебя водить? В этом деле, ты был особенно плох, ты сжег ему сцепление, постоянно глох, а однажды ты сломал коробку передач, вот криков то было, а как он тебя за это бил, проволокой по рукам, ты навсегда это запомнил, правда, ты научился водить, только к 27 годам. Твой отец до сих пор не знает, что ты сдал на права, конечно, ведь он бы тебе припомнил эту историю, а ты боишься своего прошлого больше смерти.

– Заткнись, ты всего лишь собака, скажи спасибо, что при-

бежал на твой зов о помощи!

– Кстати, о помощи, как-то ты попросил свою мать помочь тебе...

– Заканчивай с этим дерьмом!

Я уже почти его вытащил, осталось еще немного, и этот бред закончится.

– Ты попросил ее о том, чтобы она сходила за тебя к доктору, и поинтересовалась у него, почему ты мочишься в постель в 17 лет, а она раструбила об этом всем своим подружкам, помнишь?

– Что? Такого не было!

– Ладно, да, не было, просто, я подумал, что ты достаточно снаркоманился, чтобы повестись и на это.

– Да пошел ты к черту, грязная псина!

– О, ты напомнил мне о самом главном, твой отец возлагал на тебя большие надежды, думал, ты продолжишь его дело, отправил тебя в колледж, оплатил тебе учебу, чтобы ты выучился и стал, как он, а ты этого не хотел, ты боялся ему в этом признаться, хотя, он бы все равно тебя не послушал, он плевал на твое мнение, он просто ставил тебя перед фактом, но ты ведь хотел, чтобы папочка тобой гордился, ведь так? И ты выучился, получил диплом, правда, в процессе твоей учебы, его уволили, он начал пить, изменять твоей маме, и она выгнала его из семьи, и он начал пить, приходил к вам домой, орал на твою мать, на тебя, что вы испортили ему жизнь, что ты ни на что не годишься, ты плохой сын,

ты неудачник. Тогда, ты еще больше захотел доказать ему, что это не так, по его глазам было видно, что он не верил в тебя, а у тебя получилось, ты закончил колледж, узнал, где твой папаша живет и отправился к нему, похвастаться, хотел увидеть гордость в его глазах. Но, когда ты явился к нему, с улыбкой на лице, и показал ему диплом, на его заросшей роже даже мускул не дрогнул, ему было наплевать, он жил в помоях, пьяный вдрызг, у него не было работы, он превратился в обычного пьянчугу, как твой сосед Вадик, и в этот миг, все обрушилось, весь твой мир был разрушен, в тот момент, в тебе умер наивный ребенок, в тебе умерла часть человеческого. Ах да, еще твой отец попросил у тебя денег ему одолжить, но ты тоже тогда был безработным...

Во мне что-то перевернулось, тогда, в тот момент, когда я почти спас этого разговорчивого пса, я перешел к действиям, мне надоело медлить, уж больно много он болтал.

– Стоп! Хватит! Знаешь что? Я рад, что не стал, как он, я счастлив, что я не такой же, как мой отец, уяснил?

– Ты уверен? – Клянусь, на секунду, мне показалось, что эта псина ухмыльнулась.

– Да пошел ты.

С этими словами, я надавил на спину этому четвероногому, что есть сил, и он провалился, прямым в овраг, и недолго думая, я сиганул за ним, нужно было заканчивать этот цирк, ну и спасти его тоже нужно было, что я зря шел что ли? Уж точно, не за тем, чтобы выслушивать от собаки,

все это дерьмо.

Я плюхнулся в холодную и безжалостную, как сердце этого пса, воду, схватился за него, и начал плыть к берегу, волны врезались в наши лица, а я то и дело, успевал цепляться за выступающие на валунах, камни, некоторых из них обваливались, как в кино про Индиану Джонса, но с горем пополам, мне удалось доплыть до берега.

Выплыв на берег, мои руки дрожали от холода, я весь промок, меня трясло, как старого маразматика, если выжать мою одежду, из нее вытечет минимум литров десять воды, она просто весела на мне мешком, а в ботинках хлюпало, как... В общем, сильно хлюпало.

Пока я пытался отдышаться, пес стоял рядом со мной, будто хотел сказать что-то еще, о том какой я неудачник, но, когда я отдышался, он лишь твякнул на меня два раза, отряхнулся, и побежал, видимо, к своему хозяину.

– Спасибо, хоть бы сказал, или хозяин научил тебя только тому, как оскорблять людей?

Пес лишь обернулся на мою выкрикнутую фразу, и побежал дальше. А я почувствовал, что-то вот-вот меня вырвет, тошнота стала подходить к горлу, большим и горьким комком произошедшего только что, все, случившиеся около пяти минут назад, мой организм пытался переварить где-то внутри моего трясущегося тела, но, так и не смог. Все сказанное и сделанное вышло из меня под видом бесцветной и прожигающей горло жижи, прямо в воду. Я стоял на коле-

нях, по пояс, в отмораживающей конечности, воде, и молил Господа, чтобы все это, наконец, закончилось, и я спокойно поехал домой, плюхнулся в свою кровать, проснулся и забыл, все произошедшее, как страшный сон. Но, как и обычно, это бывает, Господь не слышит наши мольбы, или просто их игнорирует. И вот, проблевавшись, я еле поднялся на ноги, тяжело дыша, отряхнулся от песка, и походкой больного похмельем алкоголика, только умноженного в десять раз, отправился к машине.

Чтобы доползти до моего автомобиля, у меня ушло около десяти минут, хотя путь до этой, неприятной, как собеседник, собаки, занял минуты три. Мои ноги волочились об песок, время от времени пересекаясь друг с другом, словно, я несколько недель болтался на дне озера, а после, меня выловили какие-то, случайно обнаружившие меня, дайверы, разбудив страшное проклятье, и мое скользкое тело, на котором висели, не менее скользкие водоросли, мутировало в зомби.

Мои силы кончались, а способность анализировать, все, что происходит вокруг, что происходит со мной, совсем исчерпала себя, она, будто выпала из моего кармана, вместо ключей от машины, и погрузилось тяжелым камнем, на дно этого проклятого озера, вместе с моим здравомыслием.

Одной рукой я уперся об боковое стекло моей «Тойоты», а другой, пытался сдержать второй приступ тошноты, и удержал. После непродолжительной попытки, осознания того, что вообще, только что произошло, между прочим, чет-

ной попытки, мои ноги стали подкашиваться, и я уселся своей задницей на песок, попутно протирая своей промокшей спиной дверь автомобиля, издавая ели слышимый скрип, достал из кармана промокшую пачку сигарет, выбрал наименее промокшую, и закурил. Ничего не вышло. Сигарета развалилась у меня в руках, словно мое представление о реальности этого мира. Точнее, того, насколько реально, я воспринимал этот мир, или насколько реально он воспринимал меня.

Мои глаза уставились на то, как Солнце тонуло за горизонтом, оставляя после себя холодный ветер, играющие волны, и чувство урагана в голове, сметающего все мысли под себя, превращая их в кучу неразборчивой свалки, с послевкусием того, что этот вечер никогда не закончится. Что изображают мои зрачки? Какова картина моих глаз? Жаль, мы не способны взглянуть на себя со стороны. Может, тогда бы мы не совершали столько ошибок, за свою жизнь. Ну, это не важно, по-крайней мере, в данную минуту, нужно было ехать домой.

Я залез в машину, открыл окно, достал свою сигаретную заначку из бардачка, закурил, расслабился и попытался, с каждым выдохом пепельного дыма, выдохать то дерьмо, что творилось с моим мозгом час назад. Черт, со мной говорила собака, или... По-моему, я первый начал с ней говорить, или нет? Я даже не помню, говорила она вслух, или все это, доносилось из чертогов моей потрескавшейся черепной коробки. А если, она и говорила вслух, чьим голосом она это делала? Моим, или моего отца? Или совершенно чужим, ра-

нее не слыханным для меня голосом, может, со мной говорил сам дьявол? Что за бред я несу, наверное, у меня совсем крыша поехала, зачем ему со мной говорить? У него есть дела поважнее, да и ничего толкового он мне не сказал, так, припомнил мне то, кем я являюсь. Нет, это точно не дьявол, и не бог. Богу не зачем вселяться в собаку, которую я спасаю, и делать все, для того, чтобы я ее не спас. Похоже, я схожу с ума. Все это, от долбанных снотворных, босс оказался прав, я превращаюсь в сраного наркомана. Паранойя усилилась.

Докурив, я закрыл глаза, погрузился в свое потрепанное сидение, и растворился в нем, словно в бассейне с пластмассовыми шариками, погрузившись в глубокий сон. Да, я сам не заметил, как уснул. Внезапно выпал из реальности. Дерьмо, ненормальное дееерьмо.

– Сэр, сэр, с вами все в порядке?

Черт, я вскочил, от упорного стука по стеклу, так, как просыпаются в фильмах ужасов, от пожирающего все клетки организма, кошмаров. Дежавю.

– Что? – Я вообще не понимал, что происходит, где я, и сколько я проспал.

– Вы в порядке?

– Да, вроде, в порядке.

– Что вы тут делаете?

– Кажется, я уснул, да, точно, я уснул.

– Вы уверены, что вам не нужна помощь?

– Да, уверен.

– Хорошо, вам лучше отправится домой, а то мало ли, всяких идиотов хватает, вас могут и ограбить. – Разумно.

– Ага, пожалуй, вы правы, только, не подскажите, сколько сейчас время?

– Время? – Он достал из кармана телефон, покопался в нем несколько секунд, и сказал, – 4:47 утра.

– Спасибо.

– Не за что. – С этими словами он потащился дальше по пляжу, со странной пищащей штукой, напоминающей кладоискатель.

Твою мать, какого хрена, время почти пять утра, через два часа мне нужно ехать на работу. Что со мной происходит?

Сонный и эмоционально парализованный, я отправился домой, в надежде, что все случившееся затеряется где-то в глубине моего мозга, так и оставшись лишь неясной картинкой на дне моих воспоминаний.

Тем временем, город окутал, приземлившись густой серой тучей на такие же серые здания, туман. Теперь этот городок напоминал одинокое и тихое местечко, для размышлений о жизни, и своем предназначении. Правда, мои мысли спрятались от меня, и не хотели показываться, поэтому в моей голове царил такая же туманная пустота, как и на улицах, плывущих в окне, мимо моих глаз. Остановившись на светофоре, я невольно обратил внимание на зеркало заднего вида, где и увидел нашу секретаршу – Эллин. Она быстрым шагом, иногда запинаясь, шла на высоких каблуках, ее макияж

был размазан по всему лицу, глаза были зареваны, а вся ее одежда была промокшей до нитки. Что с ней произошло? Может, предложить ей, подвезти ее до дома? Так я и поступил, дождавшись, пока она будет проходить напротив моей машины, открыл окно, и предложил ей свою помощь.

– Хэй, привет.

– Эд... Привет, что ты тут делаешь?

– Я... Ехал домой, увидел тебя, и подумал, может, тебя подвезти?

– Подвезти? Но, я вся мокрая.

– Ничего страшного, садись.

Она огляделась по сторонам, будто за ней следят, прикусила нижнюю губу, так, словно она нервничала, и, подумав еще три секунды, села в машину.

– Ну, куда едем?

– Я покажу дорогу, давай, налево.

– Понял, шеф, – я попытался сгладить обстановку, от нее, веяло напряжением, и страхом, она постоянно оглядывалась по сторонам.

Спустя пару минут, неловкого молчания, я все-таки решил спросить, что произошло, зайдя издали, правда, как это и обычно бывает, потом пожалел, что вообще в это ввязался.

– Откуда ты шла?

– Не важно, это не имеет значения.

– Просто, не поздновато для одиноких прогулок?

– Нет.

Это «нет», звучало, как гильотина, обрубившая наш диалог. Она не хотела об этом говорить. По ее лицу было видно, что произошло что-то ужасное, ее глаза отражали страх, тревогу, и безнадежность.

– Ладно, как скажешь.

– Здесь направо.

– Понял. Может, тебе дать салфетку?

– Зачем?

– Ну, у тебя... Макияж растекся по лицу, от дождя, наверное.

– А, макияж, точно. – Она даже про него забыла.

– Так...

– Да, салфетку, было бы не плохо.

Труднее этого разговора еще не было в моей жизни, это так же трудно, как признаться своим родителям, что ты курил, когда тебе 14, и отец учуял, что от тебя пахнет табаком.

Я достал салфетку из бардачка, пока мы стояли на очередном светофоре, и подал ей.

– Куда потом?

– Прямо.

– Слушай, что-то произошло? – На нее было жалко смотреть, у нее будто жизнь перевернулась, не в лучшую сторону.

– С чего ты взял? – На ее глазах наворачивались слезы, но она во время начала вытирать их салфеткой, делая вид, что якобы вытирает тушь.

– Ну, у тебя вид такой...

– Какой? Какой у меня вид? – Зачем ты в это полез?

– Будто, что-то случилось, что-то плохое...

– А тебе то, какое дело, что у меня случилось? Какая вообще разница? Все равно всем насрать! Ничего, мать твою, у меня не случилось! – Вот это, да!

– Извини, ты права, это не мое дело...

– Нет, это ты меня прости, я... Это просто ночной кошмар, до сих пор не могу поверить, что он способен на такое...

– Он?

– Не важно, не хочу втягивать тебя в свои проблемы.

– Как скажешь.

– Здесь направо.

– Понял.

Кажется, она имела в виду нашего босса, что он мог натворить такого, что девушка потеряла дар речи, она сама не своя. Она, конечно, та еще стерва, но, она точно не заслуживала ничего плохого, не того, что он с ней сделал.

Она специально выбрала путь длиннее, чем обычно. Она боялась, что он проследит за ней, но, самое страшное впереди.

– О, черт, он здесь, нет, нет, нет... – Ее рука вцепилась в сидение, а второй она закрыла лицо, чтобы не расплакаться, или чтобы ее не стошнило.

– Твою мать.

У девушки началась паника, а у меня органы сдавились

от страха, казалось, будто страх прошелся по всему организму, распахивая органы, словно он лез без очереди, прямо к самому горлу. Это был наш босс, его взгляд из яростного и нетерпеливого, переменился в недоумевающий. Правда, он быстро сориентировался, и быстрым шагом начал двигаться к моему автомобилю.

– Какого хрена, ты здесь делаешь? – Он обратился ко мне.

– Я подвез ее, я случайно ее встретил.

– Вылезай, из тачки. – Это он обратился уже к Эллин.

Я понятия не имел, что делать в подобных ситуациях, а ситуация, блин, накалялась. Градус напряжения повысился, до какого-то нереального уровня, я чувствовал себя зрителем какого-то триллера, с участием психопата, в 5D кино-театре. Все было одновременно правдоподобно, и как во сне. Руки тряслись, а ноги онемели, в ту минуту, я был не способен и слова произнести, все, к чему сводилась моя роль – это наблюдатель. Не имеющий, никакого реального, влияния на ситуацию, до некоторых пор.

– Выходи, из машины, я тебе говорю!

– Нет, пошел ты! Я не выйду!

Что мне делать, если она и вправду не выйдет? Глаза нашего начальника были дикими, как у зверя, собирающегося вот-вот напасть. Еще бы чуть-чуть, и он разбил бы окно, вытащил ее и потащил бы в дом. Он был в ярости, его нервы были на пределе, а я ничего не мог поделать с этим.

– Дрянь! Лучше выйди по-хорошему, пока я не выбил ок-

но, и не вытащил тебя из машины силой!

Она посмотрела на меня обнадеживающим взглядом, она надеялась, что я дам по газам, или выйду и разберусь с ним, но в ответ она получила лишь это:

– Думаю, тебе лучше выйти, похоже, он не шутит.

Идиот.

– Что? Эд, ну ты...

Да-да, мне самому от этого стало тошно.

– Выходи! Я не собираюсь ждать! – Поторапливал он.

Она зарыдала, вышла из машины, и молила его о прощении, умоляла не трогать ее, а он? Он чертов психопат, какая ему разница, что доносится изо рта его игрушки? Я не уехал, страх пожирал мое тело, обгладывая мои кости, словно голодающий несколько дней, пес. Я смотрел на эту картину, и ждал, где та самая черта, после которой я выскочу из машины и надеру зад этому козлу? Мои конечности парализовало, дыхание участилось, пот стекался ручьем по моему лицу, а в ушах лишь звенели их кричащие голоса. Особенно, голос Эллин, он был прожигающим, истеричным, это что-то из нечеловеческих воплей, это – та грань, когда человек готов на все, ради спасения.

– Пожалуйста, не надо, я все сделаю, Дим, только отпусти меня.

Он не послушал, он ударил ее по щеке, и потащил в дом. Она начала сопротивляться, и попыталась выкарабкаться из лап зверя, и у нее получилось, только с нее слетела ее

мокрая куртка, и то, что я увидел, и было той самой чертой. Под курткой у нее был короткий топ, открывающий живот, и полностью руки и плечи. Почти все это пространство, было заполнено синяками, ссадинами, царапинами, и чем-то еще не понятным. Меня чуть не стошнило.

– Дим, прости, прости... давай... давай поговорим. – Она задыхалась, от страха, первобытного страха.

– Нет, я уже говорил с тобой, это не помогло, я предупредил тебя, не нужно было меня злить.

Не знаю, за что она извинялась, скорее всего, не за что. Это было инстинктом, дабы его успокоить, она говорила то, что он хотел услышать. Но, он ударил еще раз ее по лицу, и снова потащил ее в дом. На этот раз, помешал ему я.

– Стой! Хватит, прекрати.

– Эд? Не нужно, ладно, лучше, остановись.

– А то, что?

– Эд, сядь в машину, и едь домой, я серьезно. – Не сомневаюсь.

– Нет, тебе лучше отвалить от нее, пока...

– Пока, что? Эд, да у тебя руки дрожат, убирайся отсюда, я не шучу!

Он взял ее за волосы и потащил домой, под ее истошные истеричные выкрики. Пора заканчивать с этим. Не стой на месте! Ну же, сдвинься, хренали ты встал, как манекен? Сделай что нибудь!

– Я последний раз повторяю! Убери от нее руки, сраный

психопат!

– Вот как! Эд, из молчаливого и немощного наркомана, превратился в смелого парня, спасающего девушек?

– Вроде того.

– Знаешь, что, Эд? Я не стану убирать от нее руки, что ты сделаешь мне?

Он пнул ее по внутренней стороне колена, от чего она свалилась на колени, а он по-прежнему держал ее за волосы. Она уже не говорила, не произносила ни слова, лишь всхлипывала, и смотрела на меня, как на последний ее шанс выбраться из этого дерьма.

– Ты сам напросился, больной ублюдок!

Я побежал к нему, а он смотрел на меня, как на быка, глупо бегущего на красное полотно. Он отпустил девушку, и ждал, пока я нанесу первый удар. Сердце колотилось, как бешеное, ноги подкашивались, а рука, трансформировавшаяся в кулак, попыталась влететь ему по лицу, прямо в его психоненормальную улыбочку. Он увернулся, а я приземлился на землю, а точнее, в лужу, что находилась за его спиной. Облажался, ну, ничего, второй раз не промахнусь. Я встал, и попытался принять боксерскую стойку.

Он рассмеялся, и принял правильную боксерскую стойку. Похоже, он тренировался, и занимался боксом, это я понял по его следующим ударам. Я решил атаковать, ведь лучшая защита – это нападение. Но, по всей видимости – это не моя история. Я ударил первый, с правой руки, он отбил ее своей

рукой и врезал мне по моей заросшей морде. На секунду, я выпал из равновесия, он не стал упускать момент, и ударил меня еще раз, снова в лицо. Прямо в нос. Сволочь. Впопыхах, я попытался нанести еще один удар, на этот раз, немного сменив тактику, мой кулак полетел ему в живот, вроде, я попал. Почему вроде? Потому что, в след за моим ударом, я поднял голову, и что последнее я видел – это его казанки, плотно врезающиеся мне в зубы. Я упал, мокрая трава, была такой холодной и отрезвляющей, на миг, я засмотрелся на облака, одно из них было похоже на собаку, ту самую, которую я спас. Собака с плохими манерами, но, скорее в этом виноваты ее родители. Она увидела меня, и началось, снова.

– Эй, кого я вижу! – Она завиляла хвостом.

– Отвали...

– М-да, хреново выглядишь, Эд, а мы не виделись всего-то пару часов.

– И не виделись, еще бы целую вечность.

– Ну, в прошлый раз, ты выглядел лучше.

– Мне нужно драться, я так не хочу.

– Кстати, извини, за наше знакомство, просто, ты что-то медлил, я решил тебя немного замотивировать.

– Когда знакомятся, представляются оба участника, а ты не представился, это было не знакомство.

– Да ладно тебе, не обижайся, тем более, тебе еще нужно победить этого ублюдка.

– Как?

– Ну, для начала, нужно встать, давай, поднимай свою жалкую задницу, и покажи ему, кто здесь спасатель симпатичных девочек.

– Что?

Он подошел сам, и поднял меня за куртку, и выдал еще один мощный удар, на этот раз, по животу. Затем, второй и третий удар. Ощущение было такое, словно десять маленьких неугомонных детей-демонов прыгали у меня на желудке, как на батуте. Ноги стали подкашиваться, и я буквально повис на его руках, изо рта отхаркивалась кровь, боль оглушала мои мозги. Дерьмовый день, дерьмовый вечер, и приз за самое дерьмовое утро, получает Эд, из торгового отдела. Я попытался поднять руку, чтобы ударить его, и вдруг услышал снова:

– В кадык, придурок, бей в кадык!

Я не стал ничего отвечать этому псу, но решил поступить так, как он посоветовал. И, на удивление, сработало!

Удар был слабенький, из-за того, что до этого, меня неплохо так, отбоксирил этот псих. Попав прямо в кадык, мой босс поперхнулся, и начал задыхаться, держась за горло, он что-то прохрипел, и начал хохотать, как сумасшедший. Хотя, почему как?

– Молодец! Теперь, врежь ему по колену, прямо с ноги, давай!

Что остается? Слушать воображаемую собаку-облако, было не лучшей идеей, но, я так и сделал, пнул его по колену.

Он заорал, и упал на первое колено, одной рукой, держась за второе, больное. Неплохо получилось, эта драка приобрела киношный вид.

– Так держать! Теперь заряди ему с ноги еще раз, только теперь по челюсти, и не медли! – Да, кто он такой? Собачий король каратэ?

Набравшись сил, я что есть мочи, захреначил ему по лицу, своей «боевой» ногой, и он упал на спину, и теперь обе его руки были заняты, одна держалась за колено, а вторая за лицо.

– Все! Он готов, ты победил, Эд! Мы победили!

– Заткнись...

– Эй, я вообще-то помог тебе, неужели, я не заслужил капельку уважения?

– Не знаю, я вообще не знаю кто ты такой, или что ты такое.

Пока я отвлекся, на этого загадочного помощника, в виде, облачной собаки, мой босс успел реанимировать свое состояние, взять палку, и хорошенько врезать мне по ногам, от чего я свалился на землю, опять.

– Эд, ты болван, теперь выбирайся сам, я сделал все, что мог! – Вот, черт...

– Думал, сможешь победить меня, у тебя почти получилось, тебе повезло, наверное, высшие силы постарались...

Вообще-то, это был пес, облако-пес. Не знаю, считается ли он, за высшую силу?

– Но, по всей видимости, даже они не способны, сделать из тебя человека, жалкий наркоман, сраный неудачник, скажешь, чтонибудь напоследок?

Он замахнулся палкой, которую взял... Черт, да откуда он ее взял? Ее нигде не было, или может у меня заплыли глаза, и я ее не заметил?

В общем, не важно, я показал ему фак, улыбнулся так, как улыбаются герои фильмов, зная, что враг проиграл. Почему проиграл мой босс? Пока он разглагольствовал, держа в руках свою палку-убийцу, Эллин стояла уже сзади него, с большой трехлитровой бутылкой водки, пустой, выпила она ее, пока мы дрались, или взяла ее дома, я не знал, но, это и не важно. Она размахнулась, и со всей силы ударила выродка по голове, от чего бутылка разбилась, а наш босс, свалился с ног, прямо на меня, ну конечно.

– Мудила! – Выкрикнула Эллин, увидев, как он свалился с ног.

– Эх, было бы круче, если бы победил его – ты. Ну, не расстраивайся, Эд, ты тоже был хорош, не без моей помощи, конечно.

– Да пошел ты...

– Как знаешь, мои советы, можешь принять за мои извинения.

Облачный пес, подмигнул мне, так, как это делают герои мультфильмов, с точно таким же звуком, типа «дзынь», и растворился в серых и печальных тучах, которые,

в эту же секунду, излили на весь наш городок, поток холодного и смывающего кровь, дождя. Все, будто по сценарию. Это так, странно...

Спокойствие, облегчение, легкость – вот, что я почувствовал, как только, первая капля дождя, приземлилась на мое окровавленное лицо. Знаете, меня бы стошнило, да было бы чем. Я по-прежнему валялся на траве, такой прекрасной, такой освежающей, последние несколько часов, останутся в моей памяти невнятными картинками, шипящими звуками, истощными криками, до самой смерти. До конца моих дней, я буду невольно вспоминать этот вечер, как тот самый момент, изменивший мою жизнь, раз и навсегда.

– Поднимайся, – сказала Эллин, подавая мне руку.

– Ты молодец, спасибо тебе...

– Да ладно, ведь победила его – ты.

– Без тебя, я бы не набралась храбрости, не смогла бы, так что, я благодарна тебе, правда.

– Я тоже благодарен тебе, ты меня спасла, и... В какой-то степени, изменила меня, наверное, и мою жизнь.

– Мы оба. Оба помогли друг другу, изменить свои жизни.

– Да, наверное, так и есть.

Звучит пафосно и сопливо, ну, что поделать. Мы были правы. Наши жизни, и, правда, изменятся, после этого случая. Не знаю, как сложится судьба Эллин, а вот моя... Все перевернется с ног на голову, и скоро, вы это увидите.

Оказывается, пока у меня, с нашим шизоидным боссом

была смертельная битва, Эллин успела вызвать скорую и полицию. А я, в свою очередь, наконец, надавал люлей этому психу, не то что бы, я до этого хотел это сделать, но, что-то подобное, во всяком случае, этот козел заслуживал этого.

– Как ты? – Эллин подошла к машине скорой помощи, чтобы попрощаться.

– Все в порядке. Ты как?

– Пока не знаю, странное чувство, наверное, неплохо.

– Что говорит полиция?

– Мы сейчас поедим в участок, там, нас будут допрашивать, и я все расскажу.

– Я, надеюсь, его посадят далеко и надолго.

– Я тоже.

– Куда ты потом?

– Домой, отсыпаться.

– А что потом?

– Не знаю, есть одно дело, пожалуй, его нужно решить.

– Понятно.

После непродолжительного молчания, и разглядывания того, как полицейские бегают, суетятся, допрашивают соседей, Эллин попрощалась со мной.

– Ладно, еще раз спасибо тебе, – она наклонилась и поцеловала меня в щеку, – может, еще увидимся.

– Может быть.

В тот момент, когда мы с ней прощались, я смог пересчитать ее родинки, на ключице, и знаете что? Да, вы уже дога-

дались. Их было ровно восемнадцать. Охренеть. Интересно, сколько их будет, когда ей будет 50, когда она превратится в пожилую ворчливую дамочку?

Скорая осмотрела меня, полиция забрала Эллин, и психа, для дачи показаний, и подробнейшей истории того, как он ее избивал, и как произошла эта драка. Я рассказал все на месте, и меня отпустили. Эллин отдельное спасибо за это, она сказала, что я ничего не знаю, и просто решил ее защитить, увидев, как наш босс ее избивает.

Я сел в свою машину, и еще несколько минут всматривался на то, как полиция уезжала, а работники скорой помощи, собирали вещи, и еще какое-то время, пару медиков стояли и обсуждали то, что только что произошло, медленно покуривая сигареты. Если бы, моя жизнь была фильмом, сейчас идеальный момент, для того, чтобы камера поднялась ввысь и под спокойную добрую мелодию, начались показываться титры. Но, это не фильм – это моя жизнь, моя история, и она только начинается.

Пора отправляться домой, мне еще до конца не было понятно, что сегодня произошло. Вся моя жизнь, была скучна до ужаса, ничего нового и кардинально меняющего ее, не происходило много-много лет, а что теперь? Все меняется с бешеной скоростью, я не успеваю осознавать масштаб этих изменений, к лучшему ли они? Что было бы, если бы я не свернул на причал, не подвез бы Эллин? Я бы уже собирался на работу, и снова курил сигарету на крыльце, слышал

крики Вадика, который к тому же должен мне денег, ехал в то место, от которого меня тянет блевать, и снова выслушивал нападки своего шизоидного босса. Да, наверное, эти изменения к лучшему.

Дорога до дома не заняла много времени, я лишь наблюдал, как люди идут на работу, кто-то вышел на утреннюю пробежку, кто-то гулял с собакой, а кто-то также, как и я, стоял на крыльце и покуривал сигаретку. Не успев и опомниться, как я уже парковался напротив своего дома. Дождь усилился, и стремительно падающие, словно миллион маленьких сброшенных бомб, капли, вновь разбивались вдребезги об землю и наши макушки. Зайдя домой, я замер в коридоре, как статуя, обдумывая свои следующие действия. Ну, для начала, нужно сделать себе хлопья с молоком, и прослушать автоответчик, но, сначала хлопья. Я достал коробку с хлопьями, медовыми, мои любимые, насыпал их в тарелку, открыл холодильник, взял молоко, и налил в тарелку с хлопьями, попробовал и испытал неопишуемый восторг. Из меня получился бы отменный повар, ведь обычные хлопья, приготовленные мной, магическим образом превращаются в лучшую еду во всей вселенной. Так, растаяв в блаженстве лучших хлопьев в мире, я забыл про автоответчик, ну что ж, посмотрим, что там?

– У вас шесть новых сообщений...

– Еще одно? Утром было пять.

– Ладно, прослушаем их по порядку, первое сообщение.

– Эд, привет. Ты дома? Если да, возьми трубку, это важно. Если тебя нет дома, перезвони, когда услышишь это сообщение. Пока. – Голос женский, девушка, но, что ей нужно?

Пока ничего плохого, только одно вызывало у меня недоумение, кто это, черт возьми?

– Ладно, второе сообщение.

– Эд, привет, опять. Ты так и не перезвонил, наверное, ты занят, но, это срочно, обязательно перезвони, сразу же, как только увидишь эти сообщения, слышишь, обязательно.

Голос казался все более знакомым, какого хрена она не представилась, раз это так важно, я должен знать, кто мне звонит, не так ли?

– Третье.

– Эд, какого черта? Я не могу дозвониться до тебя, уже три дня! Ты переехал и забыл автоответчик с собой прихватить? Это, правда, важно, тебе нужно услышать эти сообщения, я растеряна, я... не знаю, что делать. И да, извини, я не представилась, – ну, неужели. – Может, ты меня и не вспомнишь, меня зовут Кара, я девушка Адама, вы были с ним друзьями, помнишь? Это было давно, в общем, перезвони, пожалуйста...

Все приобретало смысл, теперь. Адам... Какого черта? Это, и в правду, было давно. Даже не знаю насколько, лет шесть, может семь, назад. Почему она мне звонит? Что произошло? Я был в ступоре, если у этих звонков, в моей большой фантазии, и был самый неожиданный поворот, то этот,

стал самым-самым неожиданным. Максимально непредсказуемым. И кстати, из всех возможных вариантов, на самом деле, этот был одним из самых безобидных. После варианта с моей бабушкой, которая из-за разыгравшегося Альцгеймера, просто забывала, что звонила мне уже, и каждый раз звонила заново, чтобы снова и снова спросить, как у меня дела. Кстати, надо будет ей позвонить.

– Нужно было прослушать остальные сообщения. Четвертое.

– Эд, твою мать, какого хрена? – Многообещающее начало. – Возьми ты уже трубку, четыре дня не могу до тебя дозвониться. Это Кара, девушка Адама, он мертв, слышишь? Я не знаю что делать, ты не перезваниваешь, а уже скоро похороны, просто... Падай хоть какие-то признаки жизни, он оставил завещание, в котором хотел, чтобы ты присутствовал на его похоронах, последние три года, он жил в городе Ветров, с ним творилось что-то странное, он сам на себя не был похож, я... В отчаянии, перезвони, пока!

Ложка с хлопьями застыла у моего рта, словно время остановилось, даже молоко с ложки не капало. Я не мог пошевелиться, лишь мои губы тряслись, от усиливающегося страха, произошло нечто ужасное, и я не мог это игнорировать. Не выйдет. Такое невозможно игнорировать. Смерть. Что может быть, более пугающим, неизвестным и пустым? Черная линия, отрезающая тебя от реального мира, оставляя после себя лишь слезы, горечь, и чувство вулканического взры-

ва внутри грудной клетки, способного прожечь ее изнутри. Смерть. Горизонт, за которым прячется твоя жизнь, медленно утопая в нем, подобно черному и мрачному, словно сама вселенная, солнцу. Смерть. Океан, с будоражающим костяным дном, по которому бездумно и неторопливо, шагают ангелы и демоны, хватая своими холодными руками твои ноги, пока ты тонешь, захлебываясь последними минутами жизни, утаскивая тебя на дно, на дно мертвецов. Вот, что такое гребаная Смерть.

Если честно, мне не хотелось слушать далее, еще целых два сообщения. Мне все и так было понятно, мне нужно было ехать, иначе никак. Но, там, может быть что-то важное. Пятое сообщение:

— Эд... Черт тебя дери, бессовестный ты козел... Надеюсь, ты это слышишь, Адам, указал еще кое-что в своем завещании, но, пошел ты, я ни хрена тебе не скажу... Он считал тебя единственным человеком, способным ему помочь, но, он опоздал. Было слишком поздно. Эд...

Сообщение закончилось. Я и, правда, бессовестный козел. Она была права, что бы там не хотел от меня Адам, и зачем ему понадобилась моя помощь, теперь я обязан в этом разобраться. После такого, после всего, что со мной произошло, я обязан был сделать все, что было в моих силах. Нужно ей перезвонить. Сейчас. Да, так и поступлю.

[Первый гудок]

[Второй гудок]

[Третий]

Я уже подумал, что она не возьмет трубку, или, что она звонила не со своего телефона, но нет, она взяла, после третьего гудка.

– Ало, это...

– Эд?

Ее голос был отчаянным, тихим, она не спала, голос не был сонным, он звучал так, словно она рыдала всю ночь. Чувство стыда, сковывало мое тело, а рука, держащая трубку, вспотела и вцепилась в нее так, что мне на секунду показалось, что вот-вот телефонная трубка выскользнет из руки, подобно мылу, и устремится в потолок.

– Да, это я.

– Какого черта тебе нужно?

Ее голос задрожал, и разбавился ноткой гнева, и злости, думаю, в большинстве своем, ко мне. Боже, у меня весь рот пересох, я, сделал небольшую паузу, собравшись с мыслями, мои глаза уставились в одну точку, но, затем, я их закрыл, так легче. Так, мне не мерещились ее глаза, ее взгляд, от него моя кожа покрывалась холодным потом.

– Ну, и что ты молчишь? Отвечай!

Она взорвалась слезами, это ввело меня в еще больший ступор, я отвел трубку от своего уха, прислонил ее ко лбу, и начал орать, просто кричать. Знаете, не вслух, не раздирав глотку и голосовые связки, я кричал, молча. Кричал, кричал, стиснув зубы, от того, что по своей собственной глупо-

сти, не мог ей раньше, не успокоил ее. Осознание своих ошибок, осознание того, что была возможность помочь, поступить по-хорошему задолго, до этого разговора. Это чувство, входит острым лезвием под твои ребра, и втыкается в твои сжатые от тяжелого дыхания, легкие, прокручиваясь там, натягивая их на лезвие, этого ножа.

– Я... Увидел твои сообщения...

– Что? Что ты сказал?

– Я сожалею, правда.

– Ну, ты и скотина, Эд, сраный лжец, катись к черту, тебе насрать на смерть Адама, ведь ты не знаешь, что произошло, тебе наплевать, ты всегда таким был, всегда!

– Нет, не говори так...

– А что? Что мне еще говорить?

– Я приеду, я сейчас же сяду в такси и приеду.

– Да ты что? Серьезно? Поздновато спохватился, где ты был раньше, Эд, у тебя были дела поважнее?

– Кара, я, сожалею, клянусь, меня от самого себя тошнит, я хочу все исправить, или, хотя бы попытаться, позволь мне, доказать, что я стал другим?

– Другим? Ты, мог помочь, когда ему это было нужно, но, ты сбежал, оставил его, как ты думаешь, сможешь ты все исправить?

– Наверное, нет, но, мне нужно попытаться, я должен сделать, хоть чтонибудь, ладно?

– Хорошо, Эд, завтра его похороны, адрес указан в пись-

ме, которое ты сегодня получил, надеюсь, ты изменился, пока.

– Я тоже. Тоже, надеюсь на это.

Она уже бросила трубку, и мои слова умчались по проводам, напрямик в пустоту. Я знал Адама с шести лет, мы были лучшими друзьями, но, однажды я его подвел, сильно подвел, мне пришлось уехать, или, как правильно подметила Кара, сбежать. Я не видел ее, как и Адама, уже лет шесть, это тяжело, тяжело будет находиться рядом с ней, видеть ее слезы, ее печаль, это всегда тяжело.

Я доел хлопья, собрал вещи, столько, сколько было нужно, не думаю, что я задержусь там надолго, может, неделя, максимум две. Это все, происходило так внезапно, словно, удар исподтишка, и, я этот удар сдержал хреново. Мои веки тяжелили, от стресса, меня одолевала жуткая усталость, во всех конечностях, веки тяжелили, захлопываясь, как ворота в самый неподходящий момент, раньше времени.

– Посплю в машине, да, Эльза?

Спрашивал, я у своей кошки, будто ожидая ответа. Правда, он был. В виде мурлыканья и мяуканья. Возможно, она хотела есть. Я отправился в ванную комнату, достал коробку с кормом, из того ящика, где обитал мой еще один домашний питомец – черный, небольших размеров, ну, недостаточно больших, чтобы вызывать у меня страх и отвращение, паук. Его творение искусства, идеально ровный круг, в котором десятки других, таких же, идеальных кругов, в верхнем

правом углу шкафчика, было отличной работой. Паук, наверное, даже не подозревал, что он художник, величайший из подобных себе, любитель своего дела, которое он, за много-много лет, пробы ошибок, научился выполнять до самого дотошного перфекционизма, который вам довелось видеть. Его движения, были лаконичны и аккуратны, он обладал необыкновенным запасом терпения, его изящная и блестящая на свету, паутина, была приманкой, ловушкой, для тех, кто решил оценить его искусство. Сколько времени ушло на эту работу, она столь хрупкая, я могу разрушить эту гармонию и красоту, одним своим дыханием, словно карточный домик. Правда, в один момент, мне стало жаль этого паука. Он был гением, гением одной картины. Кроме плетения паутины, он больше ничего не мог создать, да, он прирожденный хищник, но, это не то. Он плел и плел свою паутину, всю жизнь этому посвятил, и что дальше? Его зрители – это мухи, комары, да и иногда залетающие в дом осы, которых я убивал и отдавал ему. И вот, я, огромный великан, человек, самое умное создание на всей Земле, обратил внимание, на его работу, вот это да.

– Хочешь, чтобы я сказал? Хорошо, это... Потрясающе.

Паук, лишь загнался в угол, в самую его темную часть, поджав лапы, пялившись на меня. Я выдохнул, и паутина пошатнулась. Что отделяет его творение, от наших? Человеческих. В чем разница, между скульптурой или картиной человека, и паутиной обычного домашнего паука? Или, иде-

альной конструкцией муравейника? Улей пчел? В чем, разница? Все они, создают свое искусство для того, чтобы выжить. Это их инстинкт, это их жизнь, их вечное «Беличье колесо». Они бегают в нем, бегают, до конца своих дней. Они не ощущают эмоций, во время процесса создания, у них нет бурлящего чувства внутри, заставляющего взять в руки инструменты, и создать шедевр. Хотя, эмоции, тоже инструмент. Самый сильный, из всех существующих. Люди создают искусство, потому что, они хотят поделиться им? Или, открыться самому себе? Или, они оставляют часть себя в нем? Я не знаю, может, у вас есть ответ? Что ими движет? Почему кто-то способен на создание чего-то уникального, чего-то большего, чем он сам, а кто-то нет? Ладно, слишком много вопросов, это, просто, мысли вслух.

Мне нужно собирать вещи. Если, я выйду сейчас, ранним утром, то, к обеду буду уже там. Город Ветров. Это название я слышал уже несколько раз за сегодня, что это за место такое? Надеюсь, ни какойнибудь ужасный и таинственный городишка, как из рассказов Кинга или Лавкрафта, а то, мне бы не хотелось в этом участвовать, но, я и не герой книги, поэтому если что, я сразу дам от туда деру.

Эльза. Я ее не оставлю, нужно взять ее с собой. У меня где-то завалилась старая клетка (мне не нравится слово «клетка», но, я забыл, как называется эта штука), для кошек, собак, в которой перевозят их. Осталась от прошлого хозяина. Точнее, хозяйки. Она была кошатница. Угадайте, заму-

жем ли она? Ей было около сорока, у нее было четыре кошки. Черт, она назвала их в честь участниц группы Spice Girls. Не помню, точно, в честь, каких именно, они вроде как, менялись. Не суть. Хозяйка, увидев, что у меня есть кошка, ментально ахнула, и начала тискать Эльзу, говорить о том, как она обожает кошек, попрошу заметить, кошек, не котов. Говорила, что кошки, никогда не предают, они лечат какие-то там болезни, они всегда рядом и т. д. Мне, конечно, показалось это странным, да и зачем мне дом, где жили четыре кошки и одна свихнувшаяся на них мадам. Правда, когда я осмотрел дом, он был убран, чист, и не воняло кошачьей мочой. Это было главным параметром. Когда, я приобрел этот дом, она подарила мне эту... Хм... Переносной кошачий дом.

Вроде, все. Я вызвал такси, вещи были собраны, оставалось ждать. Я вышел на крыльцо, и решил закурить. Так, время быстрее проходит. Дождь прекратился, лишь вода капала с крыши домов и деревьев. На моем лице красовались ссадины и синяки, а в голове было миллион мыслей. Тот самый, запутавшийся клуб, который мне еще предстояло распутать. Даже не представляю, как меня встретит Кара, и родственники Адама. Нужно было сразу ей перезвонить, если бы, я только знал.

Пока, я вытягивал из себя жизнь, при этом втягивая яд, такси подъехало, открылось окно, и мужичек лет 35, уже с сединой, видимо, жизнь у него была особенно тяжела, по-

интересовался, я ли вызвал такси, я дал положительный ответ, зашел в дом, забрал Эльзу и свою сумку, и мы отправились в путь.

– Здарова. – Хриплым голосом, произнес таксист, не вынимая сигарету изо рта.

– Доброе утро. – Угрюмо ему ответил я.

– Ну, что, куда едем?

– В город Ветров. – На похороны моего, некогда, лучшего друга.

Часть 2: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ГОРОД ВЕТРОВ

Глава 2 – Кто сказал псих?

Такси отъехало от моего дома, и повезло мое обмякшее сонное тело туда, где меня никогда не было, туда, откуда у меня нет воспоминаний, туда, где меня ждет безмолвный и мертвый лучший друг. Бывший лучший друг, и последний. Проезжая дома, магазины, людей, живущих и существующих в этом городе, мой взгляд осматривал их, словно прощаясь со всем этим. Мне не трудно давались поездки, и покидания зоны комфорта, ведь у меня уже был подобный опыт, к сожалению, лучше бы его не было. Обстоятельства, при которых, я покинул предыдущее место жительства, были не самыми положительными, скорее, я был вынужден уехать. Но, как, оказалось, убежать от прошлого, то же самое, что пытаться убежать от собственной тени. Не разумно. Рано или поздно, думая, что тебе удалось затолкать свои воспоминания о прошлой жизни, так глубоко, что дно твоей памяти засосало их, словно зыбучий песок, как жизнь, или судьба, называйте, как хотите, вновь достает этот обглоданный, твоими мыслями о нем, «скелет истины», и показывает его тебе,

тыча прямо в лицо. А, ты, дурак, поверил, что никогда не наткнешься на него, на этот скелет, но, как это бывает, неумело закопанный труп, рано или поздно отроет какая-то псина. В этом случае «трупом», являются воспоминания, а «псиной» – жизнь. Грубовато, называть жизнь псиной, но, это просто метафора.

– Кто это тебя так?

Таксист начал завязывать разговор, по крайней мере пытался, его завязать. Это не к добру, от безобидного вопроса о моей физиономии, до того, какая у него маленькая зарплата, и как он возмущен тем, что наше правительство состоит из одних коррупционеров, а в правительстве другой страны (сами знаете какой), все являются рептилоидами, один шаг. Поэтому, я желал закончить этот разговор, как можно быстрее, и еще быстрее уснуть.

– Один псих.

Черт, зачем я так ответил? Это повлечет за собой еще больше вопросов. Это противоречит моим правилам. Точнее, одному из них.

Правило №6: Никогда, не при каких обстоятельствах, не поддерживай диалог с таксистом, иначе, сойдешь с ума, серьезно, НИКОГДА.

Это правило, я еще усвоил, когда переезжал в этот город, который, я только что покинул. Мы выехали за знак, теперь я официально, находился за пределами нашего маленького и моментами уютного городишки. Можно, и спать ложиться,

где мои таблетки?

– Псих? В баре что ли? Там полно психов.

Да, если это бар, где проводят время одни таксисты.

– Нет, я защищал девушку, на нее напал один мужчина, и, он вел себя, как псих.

– Нормально он тебя подправил, но, ты-то ему надавал дюлей? – Его это забавляло.

– Да, наверное, его увезли в полицию, в общем, это долгая история.

– Понятно.

Ладно, он хотя бы не стал докапываться.

– Меня, кстати, Олег зовут, но, можешь звать меня Олежа.

Как «мило», но нет, спасибо. Звучало по мяньякски.

– А, меня зовут Эд.

– О, Эдвард?

– Нет, Эд.

– Эдуард?

– Эд, я же сказал.

– О, я понял, Эдгар, значит.

– Что? Нет! Просто, Эд.

– Ладно, ладно, я понял, не горячись.

– Ничего страшного, все нормально.

– С какой целью едешь в город Ветров?

Кажется, я попал в его сети. Я в ловушке. К концу пути, я либо выплусь, либо сойду с ума, с этим психом в одной машине. Почему психом? Он же таксист, вы что, забыли Пра-

вило?

– На похороны.

– Оу, сочувствую. – Психи не способны сочувствовать.

– Да ладно, я вынужден туда ехать.

– И почему же?

– Нужно, кое-что исправить...

– Это хорошо. Хорошо, когда предоставляется шанс что-то исправить.

– Наверное...

– Знаешь, я человек, и тоже совершал за свою жизнь множество ошибок, но, я поквитался за них, и теперь я чист.

– В каком смысле? – Насторожено, спросил я.

– Ну, понимаешь, иногда мы делаем глупости, однажды, и я сделал глупость, за которую, мне пришлось расплачиваться, но, как я и сказал, тебе не о чем беспокоится, я чист.

– Понимаю (нет).

– И, все-таки, какую ошибку вы совершили?

– Еще раз повторю, тебе не нужно волноваться, это было давно, мне пришлось это сделать...

Да, что, черт побери, он сделал?

– Вы, что, убили кого?

– Нет, нет, я, всего лишь, выполнял свою работу.

КТО, ОН ТАКОЙ? И, ЧТО, ОН НАТВОРИЛ?

– Ладно, хватит ходить вокруг да около, скажите, уже, наконец, что вы сделали?

В этом все таксисты, они мастерски заинтересовывают

вас, чем либо, вы от любопытства начинаете спрашивать их об этом, втягиваетесь в разговор, а они начинают промывать вам мозги. Не успеете оглянуться, как у таксиста, сначала, загораются красным глаза, а потом и вовсе на нем рвется одежда и он теперь весь полыхает красным, потом он берет вашу голову, на ней сгорают все волосы до единого, стирает вам память, и выкидывает вас посреди трассы, или еще хуже, напротив придорожного кафе. А, может, и нет.

– Ну, так скажем, у меня была работа...

– Хотя, знаете, лучше мне это не знать, пускай, это останется тайной, не буду вам надоедать.

Всегда нужно во время остановиться, если бы, он мне рассказал то, что не хотел рассказывать, кто знает, чем бы это закончилось?

– Как хочешь, Эд, может, тогда поговорим о чемнибудь другом?

– Нет, спасибо, мне сейчас не до разговоров.

– Понимаю, может, тогда, включим радио?

– Нет, я, пожалуй, лягу спать, нужно выспаться, впереди тяжелый день.

Я начал рыться в своих карманах, в поисках заветной коробочки с моим снотворным. Без таблеток я не мог уснуть, даже если был сильно вымотан, правда, бывают и исключения, бывали случаи, когда я вырубался и без них, но, это редкость. Приняв одну таблетку, я откинул спинку сиденья, и устроился поудобнее, уставившись на пролетающие мимо

окна дерева и... все. Кроме густого леса ничего не было, вокруг лишь протекающая рекой дорога, мы, и леса по обе стороны машины. Мой взгляд устремился куда-то вдаль, глубоко в лес, разглядывая то, что можно увидеть между деревьев. Расстояние между ними, было заполнено листвой, ветками, пеньками, и, изредка, старыми разваленными заборами, а так же избушками, покосившимися под тяжестью времени. Их давно покинули люди, когда-то у них здесь были огороды, охотничьи домики, и просто что-то вроде старого сарая, для хранения всякого хлама. Таблетка начала действовать, но, не так быстро, как мне хотелось бы, хотя, мне даже нравилось эта атмосфера, долгие поездки всегда меня успокаивали, к тому же, звук едущего автомобиля усыпляет, как и стуканье поезда об шпалы. Прошло минут пятнадцать, и тем временем, таксист не произнес ни слова, видимо, набирался смелости спросить, и набрался, к сожалению.

– Что ты за таблетку принял?

Я молчал, всматриваясь в окно, но, таксист догадался посмотреть в его отражение, и увидеть, что я не сплю, поэтому переспросил.

– Эд, вам плохо?

– Что? Нет, я просто пытаюсь уснуть.

– Это таблетки от бессонницы?

– Ага, как ты догадался?

Сранные таблетки от бессонницы, которые, похоже, отказывались сегодня действовать, меня всегда раздражало, ко-

гда то, что должно работать, не работало. Поэтому, сгоряча, я принял еще одну таблетку.

– Я узнаю эту этикетку из тысячи. Вам немного будет? – Заметив, как я проглотил вторую таблетку, спросил таксист, но, я решил проигнорировать этот вопрос.

– А ты внимательный, у тебя тоже бессонница?

– Нет, я, к счастью, избавился от этой проблемы, но, да, раньше была.

– Значит, вам повезло, избавиться от этого дерьма, было бы настоящим праздником для меня.

– Да, это все моя работа, предыдущая, после нее не каждый сможет иметь здоровый сон, хорошо, что я справился с этим.

– Наверное, мне и, правда, повезло. – Добавил он.

– Что за работа? – Я уже был в полусонном состоянии, тело расслаблено, веки закрываются, словно занавес, все становится черным, и я погружаюсь в глубокий сон.

– Вы же не хотели, чтобы я об этом рассказывал?

– Да, точно, ну ладно тогда.

– Кстати, однажды, употребление этих таблеток, мне чуть не стоило жизни. Я начал видеть галлюцинации, из-за чего, чуть не попал в больницу, я начал сходить с ума, ну, там знаете, паранойя, апатия, навязчивые мысли, а спустя некоторое время, я и вовсе начал слышать голоса, они становились все громче и громче, из-за этого...

На этом моменте я вырубился, и не пожалел об этом, хоть

и история была весьма интересной, но, правило я держу в голове, поэтому хорошо, что я уснул. Мне снилось нечто странное, я оказался в лесу, на дереве, даже так, между двумя деревьями. На огромном гамаке, цепляющемся за две высоких и могучих сосны, я сидел в нем так, словно я находился на безумно-экстремальном пикнике. Вокруг лежали какие-то тетради, пару банок выпитого пива, и большой круглый постер Егора Летова, с той фотографией, где он в круглых черных очках, и крутой рокерской шевелюрой, а еще напротив меня сидел огромный человеческих размеров человек-пес. Дерьмо. Это был тот самый пес, только теперь он выглядел так, будто внутри него сидел человек, а он был всего лишь пушистым костюмом. Хотя и голова у него было до сих пор собачья. Я ни хрена не понимал, пытаюсь оглядеться, я посмотрел вниз, черт, да под нами было расстояние в метров 30, не меньше. Я вдохнул, как можно больше воздуха в свои черные от десятилетнего стажа курильщика, легкие, и отстранился от края гамака, наткнувшись рукой на старый и колючий магнитофон, да, он был покрыт иголками, настоящими, блин, иглами! Что за дерьмо? Нажав на него рукой, я, похоже, включил песню, сам того не осознавая. Сначала заиграла музыка, и она была до жути знакомой, такой же странной, как и этот гребаный сон. Твою мать, это была песня Летова – «Беспонтовый пирожок». Вдруг, Егор Летов начал петь, и он пел со своего плаката, который валялся неподалеку от меня, рядом с человекоподобным псом. Его рот ше-

велился, а остальное лицо было неподвижным, даже плакат не двигался, хоть и дул легкий ветер, судя по тому, как развивалась шерсть жуткого пса, которого создавало мое большое воображение. Я тоже был неподвижным, вся эта картина, меня пугала, это был четкий и тревожный страх, давящий на мою грудную клетку, и бьющий мой желудок, так, что мне захотелось проблеваться. Я не мог сказать ни слова, пока пес не взял еще одну банку пива, видимо, остальные банки – это его лап дело. Он открыл ее, с шипящим звуком, как из рекламы Кока-Колы, и выпил до дна за один раз, затем громко рыгнул, смял ее об голову и кинул в меня. Придурок. Я посмотрел на него, и, моргнув, я заметил, что его глаза превратились в человеческие. Он смотрел на меня человеческими глазами, и, я знал этот взгляд. Это был мой взгляд. Я, словно смотрел в зеркало, отражающее исключительно мои глаза, которые были вставлены в наглую ухмыляющуюся морду собаки. Ветер усиливался, а Летов продолжал рвать глотку изо всех сил. Классная песня.

[Каждый из нас – беспонтовый пирожок]

[Каждый из нас – беспонтовый пирожок]

[Ту ту ту ту ту ту туууу туууу]

– Нравится? – Поинтересовался у меня пес.

– Что, именно?

– Песня?

– Да...

От него можно было ожидать чего угодно, поэтому на каж-

дый вопрос, я отвечал с максимальной осторожностью.

– Мне тоже.

– Конечно, ведь ты плод моего воображения, тебе не может, не нравится то, что нравится мне.

– Отчасти ты прав, Эд.

– Почему, отчасти?

– Ты недооцениваешь меня, я нечто большее, чем размытая фигура твоей извращенной фантазии, стоящая у тебя за спиной.

Звучит жутковато.

[Наша страна полна жопа огурцов]

[Всякая страна полна жопа огурцов]

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что я не просто тень, не просто твое мрачное отражение самого себя, и, уж точно, не твое злобное второе Я.

– Может, хватит говорить сраными загадками, и скажешь прямо, кто ты, блин, такой?

– Ты, правда, этого хочешь?

– Да, хочу.

Правда?

– Ты сам это выбрал, и тебе с этим жить.

Это всего лишь сон, не убьет же он меня во сне? Не думаю, что может что-то случиться.

[Каждый день, я свою сумку, свою сумку охранял]

[Всю свою жизнь, я сумку охранял]

Видимо, песня проигрывалась заново, каждый раз, как за-

канчивалась.

– Тогда отправимся туда, где узришь ты ответ, на твой вопрос.

Если бы у Йоды была собачья версия, именно этот пес был бы ею. Мне уже надоедала его искусственно-пафосная манера речи.

Вдруг, ветер задул еще сильнее, и еще сильнее. Да так, что ветки деревьев начали отламываться, а мимо нас, прямо под нашим гамаком, пролетел огромный пень, на котором была, вырезанная ножом надпись: «Не смотри в красные глаза». Что это все значит?!

Началось настоящее землетрясение, все вокруг рушилось, а земля начала подниматься и опускаться, словно под ней находился ад, который изрыгал свое зловещее дыхание. Вдруг, деревья начали отрываться от земли, вместе с корнями, и начали передвигаться, словно ноги, шаг за шагом, ломая все, на своем пути. Корни послужили деревьям неплохими ступнями. Пес не отрывал от меня глаз, пока я метался из стороны в сторону, прыгая по гамаку, как по батуту.

– Держись крепче.

– Легко говорить, ты, будто приклеен к этому гамаку.

– Держись! – Сказал он, голосом самого дьявола.

– Черт, я делаю все, что в моих силах.

– Может, это тебе поможет.

Он притянул силой мысли к себе этот чертов магнитофон, колючки, находящиеся на нем, вошли внутрь, и открылся

подкасетник. Пес достал кассету, откуда, мне даже не хотелось знать, вставил ее магнитофон, иголки снова выскочили, и заиграла песня: Iggy Pop – The Passenger.

– И как мне это должно помочь?

Деревья до сих пор упорно шагали, круша все вокруг, а гамак качался из стороны в сторону, словно корабль-карусель.

Вдруг, в один момент, я просто приземлился на свою пятую точку, и тоже приклеился к гамаку. Пес ехидно улыбнулся, и закрыл глаза, видимо, наслаждаясь песней. В один момент все застыло, ноги-деревья остановились, и прямо передо мной упали те самые тетрадки, что лежали среди пивных банок. Я взял одну из них, и открыл, там были буквы, сотни букв, идущих подряд, случайные буквы. Я ничего не мог разобрать. Что мне с этим делать? На самих тетрадках была изображено утро, просто утренняя дорога, или утренний лес, деревья. Стоп. Это что, вид из такси, из моего окна? Напротив которого я заснул.

– Как ты?

– Ни хрена не понимаю.

– Тебе и не дано, понять это.

– Зачем ты тогда, притащил меня сюда?

– Ты сам этого хотел.

– Я хотел узнать кто ты.

– И до сих пор этого хочешь?

– Наверное...

Нет.

– Тогда, посмотри вниз.

Я осторожно подкрался к краю гамака, и узрел бесконечную пропасть, под нами, ей не было конца, лишь всепоглощающая и пугающая до мурашек – бездна. Мои руки задрожали, во рту пересохло, но, я вцепился в самый край изо всех сил, пытаясь не упасть туда, вниз.

– И что, это все значит?

– Посмотри внимательней. Вглядишься в нее. Что ты видишь?

– Ничего. Абсолютно ничего.

– Откройся ей, и ты узришь, как она откроется тебе.

Чувство тревоги и холодящего кровь, страха, достигло своего апогея, и я ощутил, как мои внутренности выворачиваются наизнанку, я чувствовал, как на моих глазах лопаются капилляры, а руки начинают отпускать край гамака, и тянутся к пропасти. Внутри, что-то есть, внутри нее... Или, кто-то? Я увидел ярко красные глаза, человеческие красные, как два солнца, глаза. Они смотрели на меня, с абсолютным спокойствием, с таким, что мой страх, попросту, выветрился, а тревога испарилась, словно вода, под палящим солнцем.

– Что ты?

Я не должен смотреть ей в глаза, так велел мне пенек, пролетающий мимо нас. Но, бездна была так притягательна, мне хотелось узнать, что она в себе таит. Я уставился в красные глаза, сам перестав моргать. Внутри них даже не было зрачков, они просто сияли, словно две туманные звезды, ярко

красного цвета. Он был не четким, размытым, умиротворяющим.

– Видишь? Она знает, кто ты.

– Что?

Я обернулся, и увидел, нечто ужасающее, и фантастически нелепое одновременно. Вместо головы собаки, у этого пса, была моя голова. Мое лицо, мой взгляд, такой, испуганный, будто у ребенка, наблюдавшего, как его отец ссориться с матерью. Шея по-прежнему была пушистой, она плавно переходила в мою голову. Может, у меня теперь голова собаки?

– Что, это все значит?

– Скоро узнаешь.

Гамак начал наклоняться, он хотел сбросить меня. Туда, в бездну. Какого черта? Два дерева, нет, две дерево-ноги, встали над пропастью, и каждое дерево находилось по разные края этой ямы. Будто, гребаный Ван Дам, между двумя грузовиками Volvo, как в той рекламе. Гамак начинал трястись еще больше, еще сильнее. А, Iggy Pop по-прежнему напевал свою песенку.

[La la la la la la la la]

– Ну же, окупись в самую тьму своего разума, Эд, посмотри в эти глаза еще раз, знаешь, чьи они?

– Мне плевать, я хочу проснуться!

С этими словами, деревья сделали свое последнее, разрушающее все и вся, движение, и скинули меня в эту пропасть. Все замедлилось, листья летели около меня, ветки падали

в бездну, а пес огорченно смотрел мне в глаза, словно он не ожидал, что я упаду.

– Нет! Нет! Нееееет!

Я кричал, что есть силы, сердце колотилось, словно отбойный молоток, энергии было столько, что я мог обеспечить электричеством все Токио. Я пытался ее уgomонить, но у меня не получалось, тогда... Произошло, что-то странное, фантастическое, ощущение походило на то, будто я только что испытал миллион оргазмов одновременно. Меня охватил ярко красный свет, я узнавал его, вдруг меня разорвало на миллиард кусочков, словно картину, которая состояла из кучи маленьких пазлов.

– ЧТО ЭТО ЗА ЧЕРТОВЩИНА?!

Заорал я, и из моих глаз, будто из двух беспощадно огромных прожекторов, появился туманно красный свет. Я просто хочу проснуться, и снова оказаться в такси, рядом с этим психом. Там мне нравилось больше. Хоть и это чувство, что я испытывал, летя в эту бездну, было незабываемо-необыкновенным. Мои глаза стали больше. Я ощущал, как увеличиваюсь в размерах, и теперь, мои глазища, и, правда, были двумя прожекторами. Я стал бездной, я превратился в нее. Вдруг, рядом с головой собаки, да, теперь она уже была собачьей, выглянула, из-под края гамака, моя голова. Черт, да это же и был я. Мое лицо было таким спокойным, руки, вцепившиеся до этого, в гамак, ослабли, и отпустили его. Стоп. Тогда, получается, там, на гамаке, всматриваясь в эти глаза

бездны, я смотрел в свои глаза. Вооот дерьмо!

– Стой! Стой! Не смотри в...

Я проснулся. Твою мать. Я вздрогнул, в холодном поту, моя голова билась об пассажирское стекло, я был снова там, в этом проклятом такси. Что это только что было? Мои руки дрожали, как и челюсть, постукивая зубами, как тогда, когда я пьяный купался в минус десять градусов, еще в юношеском возрасте. Я еле дышал, ком в горле не давал пробиться кислороду, я уже думал все, это момент мой смерти. Но, нет. Не в этот раз, видимо. Я смотрел на свои руки, и осознавал, что я весь побледнел, у меня поднялась температура, и мне хотелось заблевать всю машину, но, боюсь, тогда бы мы ехали по подбородок в моей токсичной от таблеток блевотине. А это не безопасно. Хотя, я бы посмотрел на лица полицейских, которые нас остановили. Они от мерзости и запаха тогда бы тоже начали блевать, и мы блевали бы в друг друга, но, есть и плюсы, мы бы воплотили в живую сцену из Грифффинов. Стоп. Сейчас не об этом. Ком в горле растворился, и я смог нормально дышать, и, мне вроде как полегчало, хоть и мое бледное тело, свидетельствовало об обратном.

– Черт, что с тобой? – Само собой, таким пробуждением, я не остался без внимания любопытного таксиста.

Наверное, сейчас я походил на психа, а не он.

– Мне приснилось...

Видимо, речь еще не нормализовалась.

– Кошмар? Что там было такое? Ты выглядишь, как блед-

ная жвачка, которую поживали и выплюнули, и она приземлилась в такое же бледное, собачье дерьмо. – Бледная жвачка. Интересно он подбирал эпитеты, наверное, все время, пока я тут помирал, придумывал. Еще и собачье дерьмо упомянул, меньше всего мне щас хотелось слышать обо всем, что связано с собаками.

– Да, и самочувствие у меня такое же... Как ты, и описал... – Гребаная отдышка.

– Я вижу, что тебе такого приснилось?

– Долго... объяснять.

– А мы куда-то торопимся?

– Вообще-то, да... Я еду на похороны, если ты не забыл.

– Ну да, точно. – Сказал он, с абсолютно полным равнодушием, и с такой интонацией, как бывает у людей, которые отмечают праздник, веселятся, а потом ты им напоминаешь о том, что после всего банкета, им придется тут все прибирать. В общем, в его голосе, чувствовалось то самое тяжелое: «Оуууу».

– Сколько я спал?

Черт. Я только сейчас заметил, угадайте, что играло по радио? Да, да.

[La la la la la la]

– Часа три, наверное.

– Не плохо, скоро мы будем на месте.

– И да, выключи радио.

– Что, не нравится Iggy Pop?

– Знаешь, что-то разонравилось, имена эта песня.

– Ладно, странный ты какой-то.

Кто бы говорил, я не спускаю с тебя глаз, тебе просто повезло, что мне стало хреново.

– Это все, из-за таблеток, зря ты две закинул, я говорил тебе что...

– Да, да, да. Я помню.

– В следующий раз тебе не...

– Следующего раза не будет. – Надеюсь.

– Кто знает, судьба такая штука, непредсказуемая.

– В этом ты прав.

– Так, не расскажешь, что тебе приснилось?

– Пожалуй, нет. Я даже не хочу об этом вспоминать.

– М-да, бывает. Чего только наш разум не выдавит из своей извращенной фантазии, дабы позабавиться с нашими нервишками. Он такой, словно бездонная темная яма, полная неизвестной темноты, из которой вылетают демоны нашего воображения, и играют с нашими событиями и воспоминаниями, перемешивая их, будто профессиональный бармен, готовящий для тебя самый адский коктейль в твоей жизни.

Ни хрена себе, вот это он выражения подбирает, может, ему за меня вести мой дневник?

– Что? Что ты сказал?

– Мне повторить? – С усмешкой, спросил он.

– Что ты знаешь о ней?

– О ком? Что с тобой?

– Нет, ничего... Я... просто... В общем, не важно.

Он сказал про яму, ту самую бездну, может, он что-то знает об этом? Черт, моя паранойя развивается со скоростью гоночного болида, управление которого, я начинаю терять, мне бы сбавить обороты, и притормозить, пока я не обнаружил себя в ситуации, контроль которой мне уже не подвластен. Нужно расслабиться и наслаждаться поездкой.

– Ты меня пугаешь, может, мы приостановимся возле какогонибудь придорожного кафе?

Нет, нет, нет. Вы помните, что я вам рассказывал? Надеюсь, да, потому что мне не хочется повторять. Просто, оставлю номер страницы. См. стр. 49.

– Придорожного кафе?

– Да, ненадолго, ты приведешь мысли в порядок, а я перекушу?

Вы тоже упустили момент, когда мы с ним начали общаться, как старые добрые друзья? Не к добру это все.

– Ладно, это можно устроить.

Мне не нужно было подавать виду, что я что-то подозреваю, иначе он начал бы подозревать меня в том, что я что-то подозреваю, и мы оба вели бы себя подозрительно, от чего у нас у обоих разыгралась паранойя, у меня еще сильнее, и мы бы переубивали друг друга. Знаете, это очень просто сделать. Заставить людей превратиться в зверей допотопных и чтобы они себя перебили. Берешь небольшую ком-

панию людей, собираешь их в закрытом помещении, желательнее не очень большом, дабы они всегда находились в зоне личного пространства друг друга, и говоришь им, что один из них болен очень опасным вирусом, который передается через рукопожатие, например, главное, чтобы они все поприветствовали друг друга, и все, каждый у каждого вызывает подозрения, они начнут валить все друг на друга, ругаться, а в конце глотки перегрызут друг другу. Или просто сказать им, что один из них убийца, в общем, вы поняли. Если подумать, есть два варианта событий, либо они переубивают друг дружку, либо, спустя несколько дней, у них образуется свое государство, со своими законами, и своим лидером. Одно из двух, третьего не дано.

– Давай, здесь свернем. Знаю, одно место, вполне не плохое.

– Что за место?

– «На пути к счастью»

– Это кафе?

– Ну да, скорее, блинная, но, там есть и другие блюда.

– Понятно. Есть мне все равно не хочется.

– А чего тебе хочется? – Что за вопросы? Мне хочется побыстрее приехать на место, и свалить подальше от этого ненормального.

– Чего мне хочется? Не знаю даже с чего начать. Спать? Закурить? Приехать? Проблеваться? Много чего.

– Понятно. В принципе, все это ты можешь сделать.

– Я и сделаю, скоро мы уже подъедем?

– Скоро, не торопи. Путь к счастью не близок, он очень далек, но, мы почти прибыли.

– Класс.

Я отвернулся к окну, закрыл глаза, и представил, как ложусь на свою мягкую удобную постель, одеяло обволакивает мое тело, подушка идеально подходит под форму моего черепа, так, что моя голова растворяется в ней, как сладкая вата во рту. По-моему, я уже приводил подобное сравнение, нет?

Мне казалось, что прошла целая вечность, с того момента, как я покинул свой дом. Но, время мчит так, что волосы дыбом. Все кажется таким томительным, медленным, но, однажды ты просыпаешься у себя в постели, и осознаешь, что тебе за тридцать. И эта мысль начинает вбиваться тебе в мозг ржавым гвоздем, не дающим тебе покоя. Тебе становится не по себе от этого, в твоей памяти твой восемнадцатый день рождения, ты молод, красив, амбициозен. Мир у твоих ног. Ты готов выпить все пиво мира, зацепить самую красивую девчонку, и умчаться с ней куда подальше. Провести всю жизнь путешествуя, занимаясь любовью, и смотря новенькие сезоны очередного крутого сериала. Вы молоды и романтичны, беззаботны и сильны, потому что вы есть друг у друга, и вам все нипочем. У вас в голове музыка, вы полны любви, которая делает вас счастливыми. Но, это все, растворяется в реальности, оставляя после себя жужжа-

щую боль, и ощущение неполноценности, потихоньку превращающее вашу жизнь в один сплошной день сурка. Вот, ты лежишь в своей постели, смотришь в потолок, и жалеешь, что ты не Бенджамин Баттон. Круто, наверное, иметь второй шанс. Шанс исправить свои ошибки, вторая попытка, на пути к своему счастью. Ведь, мы не понимаем, насколько важно, не упустить время, ухватиться за него, как гребаная Мэри Поппинс за свой зонтик, и поддаться порыву ветра. К сожалению, все исчезает, и ничего не существует, что было вчера, остается невидимой картинкой, в наших воспоминаниях. С этой мыслью, ты однажды проснешься, и останешься валяться в постели целый день, смотря в потолок, и понимая, что ты сраный неудачник. Ленивая задница, которой дали шанс, а она отложила его в свой карман, новеньких брюк, ушла пить пиво с друзьями, и в пьяном угаре натворила глупостей и на все наплевала, а на утро, проснулась без штанов. И, нет, я не пытаюсь вас учить, и уж тем более не жалуюсь, ну, если только чуть-чуть. Просто, хочу сказать, что живите, как вам хочется, а никак получится, любите того, кого вам хочется, а не кого пришлось, и будьте с теми, кто уважает вас, и кого уважаете вы, и, может, тогда, вы не потеряете себя. Занимайтесь тем, что вам по-настоящему приносит удовольствие, тем, от чего вы будете чувствовать себя счастливым, вот и все. И, да, знаете, на самом деле, умирая, я точно буду знать, что я пытался. Пытался выпить все пиво мира. Это все, с остальным я как-то проеба...

– Все, мы приехали.

Таксист прервал мою грандиозную поучительную мысль, и смотрел в свое окно, не отрывая взгляд от блинной кафешки. Можно отдать ему должное, это кафе выглядело весьма уютно. Небольших размеров деревянное здание, окрашенное в белый цвет, со вставными пластиковыми окнами, и такой же пластиковой дверью, с большим окном, как в супермаркетах. А на крыше красовалась неоновая надпись, с названием кафе. Рядом с ней, была большая вращающаяся летающая тарелка, сделанная из блинов. Не в прямом смысле, конечно. Это было бы странно.

– Наконец-то, я давно обнаружил эту кафешку, и она сразу мне приглянулась.

– Как ты тут оказался? В такой глухомани.

– Я был здесь по работе, несколько лет назад, удачное стечение обстоятельств, так бы, я и не знал о ее существовании.

– Ты подвозил кого-то сюда?

– Нет, я был здесь по старой работе, которая была у меня до этой.

– М-да, занесло же тебя. Удивительно, что тут вообще есть посетители.

А они, к слову, были. Охренеть. Четыре машины стояло на стоянке, которая находилась слева от самого «На пути к счастью».

– Ты идешь?

– Да, сейчас, перекурю только.

– Ладно, я буду внутри.

– Ага.

Я достал сигарету, закурил, и, оглядевшись вокруг, еще раз удивился, что кто-то вообще знает об этом месте, и как все они его нашли? Кругом простирался на много километров густой лес, кафе находилось возле асфальтированной дороги, ведущей куда-то дальше. Окна кафе были довольно странными, для такого здания, они были панорамными, длинной почти во всю стену, из-за чего, было прекрасно видно, что творилось внутри. А внутри, собственно, ничего и не творилось. Кафе, как кафе. Ничего необычного. За столами сидели несколько доходяг, никто особо ни чем не выделялся, все наслаждались едой, и пили напитки. Из кафе вышел паренек, лет 25, в рабочей униформе, видимо, где-то поблизости была лесопилка, и он там работал. Это не мои навыки дедукции, просто, у него на форме была надпись: «Лесопилка Юрово».

– Ты, приехал с Олегом? – Неожиданно спросил меня этот парень.

– Ага.

– Да, ему нравится это место, это место всем нравится. – Он жутко улыбался, и смотрел на меня так, словно хотел сказать: «Если, ты скажешь что-то плохое про это кафе, я увезу тебя на лесопилку и превращу в тысячу мясных опилок».

– Понятно. – Сказал я, пожимая плечами.

– Олег, рассказывал про свою работу?

– Работу, таксистом?

– Нет, нет, – он опять жутко заулыбался, он что-то знает. –

Про его предыдущую работу?

– Хотел, но, мне было не интересно.

– Зря, у него очень интересные истории, ты бы не пожалел.

Так, это уже странно, куда он меня привез?

– Эмм... Ладно, спасибо, что проинформировал.

– Да. Ну, я пошел тогда.

– Ага. Бывай.

Я кинул окурок в мусорку, что стояла на стоянке, и отправился в кафе. Войдя внутрь, я попытался взглядом найти Олега. Знаете, а здесь и в правду не плохо. Как только я вошел, зазвенела эта штука над дверью, которая висит в магазинах, кафе, парикмахерских, с помощью, которой работницы слышат, как вошел посетитель. Она была выполнена в виде маленьких металлических НЛЮ. Деревянные столы с железной оправой вокруг и светлой скатертью, на которой была вышита летающая тарелка из блинов, та, что находилась снаружи. Эта фишка их заведения? Летающая тарелка из блинов? Мягкие диванчики, вместо стульев, приставленные друг к другу, как в американских кафе, большая стойка, где можно выбрать себе напиток, пофлиртовать с официантками и спросить пароль от вай-фай, если он здесь, конечно, был. Все было в приятных светлых тонах, с потолка свисали лампочки на проводе, дизайнерские, естественно, автомата с пластинками тут не было, но, музыка была соответствующей.

щей. На фоне играл Дин Мартин, когда я зашел, а сейчас заиграл Боб Дилан, с песней «Уносится прочь». Или, как ее еще можно интерпретировать «Витает в воздухе».

– Эд? – Окликнул меня Олег.

Я кивнул, подав знак, что я его заметил, и затем еще одним жестом показал, что мне нужно в уборную. Выглядело весьма странно.

Я отправился в уборную. Встав перед зеркалом, я умылся, и начал смотреть в отражение, как герои фильмов, в тот момент, когда их все задолбало. Кое-что интересное, я заметил в отражении, когда смотрел на себя, надеясь, что когданибудь этот человек в зеркале, научиться справляться с трудностями жизни. В уборной было три кабинки, и три писсуара, и напротив них было огромное панорамное зеркало, в одной из кабинок была открыта дверь, и на стене над унитазом, была надпись. Я повернулся, чтобы посмотреть на нее, и там было написано следующее:

«Простите нас, нам пришлось сбежать, не оплатив счет, через окошко в уборной. Все было вкусно, и обслуживали нас хорошо. Когданибудь я вернусь в это кафе, и отдам вам деньги. Я беден карманами, но богат душой. Обещаю».

Марк. 2007.

Вот это да. Интересно, он выполнил обещание? Прошло уже больше десяти лет. Это была бы удивительная история. Нужно поинтересоваться на этот счет, у официанток, или у того, кто здесь долго работает. И зачем вообще звать сю-

да свою девушку, в такую даль? Или он был не с девушкой, а с друзьями? Тогда возникает тот же вопрос. Больше удивляет то, что эту надпись не стерли, оставили здесь, каждому на обозрение. А вообще, это интересная деталь, наверное, когда это кафе станет заброшенным, или его снесут, я хотел бы, чтобы эта надпись осталась на этом же месте, а еще лучше перенести этот кусок стены в город, как памятник. Памятник человеческой совести.

Выйдя из уборной, мой взгляд устремился в сторону стойки, где стояла милая худенькая официантка, лет двадцати, блондинка, с большими зелеными и выразительными глазами, она что-то читала, внимательно погружаясь с головой в книгу. На ней была оранжевая униформа, с белым фартуком, который свойственен подобным заведениям. Пожалуй, у нее и спрошу о надписи в уборной. Только, нужно зайти издалека, так, чтобы не в лоб.

– Привет.

– Привет. – Ответила она, неприступным и невинным голосом.

Я будто заговорил с ангельским цветком, который был самым святым и неприкосновенным на всем земном шаре. В тихом омуте черти водятся, так?

– Что читаешь?

– Ремарк. Три товарища.

– Неплохой выбор.

Ни разу не слышал об этой книге.

– Да, мне тоже нравится.

– Слушай, а у вас там, в уборной на стене в кабинке над унитазом, надпись, ты, чтонибудь знаешь об этом?

Я старался.

– Ага. – Ответила она таким тоном, будто ее каждый второй об этом спрашивает.

– И что ты знаешь?

– Что эта надпись... Находится в уборной на стене в кабинке над унитазом, и там написано о том, как парень, по имени Марк, со своей девушкой Евой, сбежали, не оплатив счет.

Очень смешно.

– Ха-ха. А, если серьезно? Ты же знаешь.

– С чего ты это взял?

– Ты сказала, что он был со своей девушкой Евой. Там об этом ни слова.

Меня не проведешь, я смотрел все сезоны Шерлока. С тем актером, имя которого, как бы ты не переделывал, или коверкал, все равно все понимают, о ком ты говоришь.

– Упс. Проговорилась.

– Это что, секрет, какой? Или вы сами написали эту надпись, чтобы все подходили и спрашивали о ней, а вы каждому новому любопытному посетителю, рассказываете совершенно разные истории, и каждый раз имя девчонки, этого Марка, кем бы он ни был, настоящим парнем или плодом ваших фантазий, меняется на другое. Мне вы сказали, что

ее звали Ева, а следующему поинтересовавшемуся, вы назовете иное имя?

– Что? Более идиотскую теорию в жизни не слышала.

Да ладно, теория вполне не плохая.

– А что, были другие?

– Были. И да, никакой это не секрет.

– Тогда расскажи.

– Зачем? Почему всех это интересует?

– Не знаю, почему вы не стерли эту надпись, чтобы об этом больше никто не спрашивал, если уж, вам так надоело каждый раз рассказывать эту историю?

– Потому что, это «фишка» – она лениво изобразила кавычки, подняв пальцы одной руки вверх, даже не сгибая их, по-прежнему, держа во второй руке книгу, – Нашего заведения.

– Понятно. Так, ты расскажешь?

– Что тебе рассказать? Что он пришел и вернул деньги? Или его сбила машина? Похитили НЛЮ? Он уехал на северный полюс и стал полярником? Его съел медведь? Или его укусил большой лесной пес, и он, превратившись в оборотня, сожрал свою семью, не смог с этим смириться, и ушел жить в пещеру, и стал отшельником? Какая версия, удовлетворяет вас...?

– Эд.

– Эд. Какая?

– Последняя версия, с оборотнем, была весьма странной.

И еще, почему ты поставила версию с НЛО, раньше, чем версию с полярником и медведем, у вас людей НЛО похищают каждую неделю? По-моему, версии должны идти в порядке от самого обычного до самого странного и абсурдного?

– Чего? Какая, блин, разница? Кому вообще на это не наплевать?

– Ну да. Наверное.

– А версию с обратным ни я придумала, она основана на местной легенде.

– Легенде? Страшной и жуткой городской легенде?

– А вы что, не местный?

– Нет, я приехал сюда по делам.

– Понятно, как вы вообще узнали об этом кафе. О его местонахождении знают только те, кто давно здесь живет, и то, не все.

– Мне рассказал об этом месте таксист, который везет меня до города.

– Олег?

– Да, как вы узнали?

– Он привозит сюда своих пассажиров, если они ему понравились, как люди, и показывает это место, так что, можешь считать себя полноправным членом клуба. – Она заулыбалась, и эта улыбка способна прожечь твое сердце насквозь, и образовать в нем сгусток света и энергии, от которой ты приходишь в восторг.

Такие улыбки редко встречаются. Словно, она забирает

у тебя все плохое, отдавая нечто большее взамен. Черт, я даже не заметил, как она протянула мне руку, наверное, чтобы поздравить с тем, что я член какого-то там клуба, пока я пялился на нее, как идиот.

– А, да, круто. – Сказал я, пожимая ее идеально нежную и компактную ручонку, своей потной ручищей.

– Так, что там на счет легенды?

– Точно. Нет, это не легенда из разряда жутких городских легенд, она о том, что давным-давно...

– Ладно, тогда не интересно. – На самом деле, я бы послушал все, что угодно, лишь она продолжала улыбаться и говорить. И держать мою руку. Но, это было бы совсем уж странной просьбой.

– Как хочешь, ты все равно еще не раз о ней услышишь от местных жителей, так что, тебе придется ее узнать.

– Ладно, сейчас времени у меня нет, но, если я окажусь здесь еще раз, по какому-то необыкновенному стечению обстоятельств, обязательно выслушаю эту историю.

– Хорошо, как скажешь.

– Ах да, откуда ты знаешь Олега? Ты не первая, кто говорит мне о нем, в этом кафе.

– Знаешь, красавчик, – здесь без кавычек, не надейтесь, – у меня тоже нет времени, ты можешь и сам у него спросить.

– Ну ладно, так и сделаю.

– Ага, приятно было поболтать. – Она еще раз улыбнулась, и я почувствовал, как мое сердце зажглось и растворил-

лось в гуще кремового пудинга, заставляя меня чувствовать облачную легкость и дрожь по всему телу. Черт, ненавижу кремовый пудинг.

– И мне, надеюсь, еще увидимся, и ты расскажешь, что там за легенда такая.

– Да, я тоже. – О, господи, эта улыбка!

Я отправился за стол, где сидел Олег, и доедал порцию блинчиков, с каким-то густым желтым джемом.

– Ну как?

– Как, что?

– Это место, нравится?

– Да, неплохое.

– Оно чудесное, советую попробовать блинчики, это просто нечто.

– В другой раз.

– Другого раза может не быть.

– Почему?

– Хрен знает, куда тебя жизнь заведет, если есть возможность вкусно поесть – сделай это.

Похоже, не только у меня были свои правила.

– Наверное. Слушай, официантка сказала мне, что ты привозишь сюда людей, эмм... которые тебе понравились?

– Какая официантка?

– Та, что блондинка, с необычайно красивой улыбкой.

– А, Ева, да, улыбка у нее и, правда, красивая. Но, она дикая болтунья.

– Ее зовут Ева?

– Ага, а что?

– Да так, ничего.

Вот это да. Может, это она когда сбегала со своим парнем, из этого заведения, не заплатив за счет? Или, она просто решила подшутить.

– Знаешь, ты здесь бываешь не редко, так?

– Да, наверное.

– Один паренек на парковки, интересовался у меня, не рассказывал ли ты мне, о своей предыдущей работе, мне показалось это странным.

– А что здесь странного?

– Зачем ему вообще это спрашивать?

– Мне то, откуда знать.

Его ответы были короткими и однозначными, что-то с ним не так. Что у него за работенка такая была?

– Ладно, проехали. Закажу себе кофе.

– Ага, давай. А я, пойду до машины, нужно взять бумажник.

Я промолчал, лишь утвердительно кивнул, и подозвал официантку. И нет, это была не та блондинка. Ко мне подошла женщина в возрасте, шатенка, и... обычная официантка, ничего примечательного я не заметил, так что, просто представьте женщину лет 45—47, работающей официанткой в придорожном кафе.

– Здравствуйте.

– Доброе утро, можно мне чашку кофе?

– Какой? – Ее улыбка была искренней, но, когда она шла к моему столу, выражение ее лица было таким, словно она работает здесь лет десять, и ей все до чертиков надоело. Официантки умеют соорудить на своем лице фальшивую улыбку, ведь им нужно улыбаться всегда, глядя клиенту в глаза, и думая, как ее все задолбало, и как она хочет побыстрее уволиться нахрен с этой работенки, и с чистой совестью отправиться на пенсию.

– Не знаю, Американо.

– Как скажете, через две минуты будет готово.

– Спасибо.

Официантка, на бейджике которой, красовалось имя «Светлана», быстрым шагом отправилась за стойку, варить мой кофе. Кстати, у Евы бейджека не было. Я как-то об этом даже не подумал.

Тем временем, я посмотрел в окно, и увидел, как Олег капаясь в машине, на заднем сидении, что-то торопясь искал, затем он огляделся вокруг, и, заметив, как я смотрю в его сторону, помохал мне, жестом дав понять, что бумажник найден. Он вошел в кафе, и сел за мой столик.

– Ну как здешний кофе?

– Ожидаю в нетерпении, пока мне его принесут.

– Хорошо, но, нам нужно поторопиться, если ты хочешь успеть во время.

– С чего такая спешка?

– Нет, я не тороплю, просто, у меня в городе, куда ты едешь, есть заказ, меня там будут ждать в определенное время.

– И что мне делать? Брать кофе с собой?

– Нет, просто не задерживайся, я буду ждать тебя в машине.

– Ладно, понял.

Олег вышел из-за столика, оплатил счет, и отправился на улицу, к своей машине.

– Вот, ваш кофе.

– Спасибо.

– Чтонибудь еще?

– Нет, это все.

– Можно сразу счет? – Добавил я.

– Конечно, сейчас принесу.

Она сбегала в комнату за стойку, пробыла там минуты две, вышла со счетом в руках и принесла его мне.

– Вот, ваш счет.

– Благодарю.

Она улыбнулась и упорхала обслуживать другой столик.

Наверное, это самый интересный диалог, который вы слышали, или видели в других книгах, за всю вашу жизнь? Ну, что поделать, иногда, разговор с официанткой – это просто разговор с официанткой. Без деталей, без красноречивых фраз, без интриги. Не думайте, что вся книга должна быть сгустком экшена или каждая фраза должна быть такой, слов-

но ее вырвали из фильмов Тарантино.

Я допил свой кофе, вложил деньги в счет, оставив немного чаевых, и вышел на улицу, вдохнул полной грудью, насколько позволяли мне вдыхать мои прокуренные легкие, свежего и отрезвляющего лесного воздуха, и достав сигарету, пошел на парковку.

– Какого хрена?!

Мое сердце постучалось в мою грудную клетку со словами: «Сейчас я пробью своими ударами ко всем чертям его грудную кость, и оттуда вылетит красная бьющаяся в судорогах птичка, напоминающее человеческое сердце».

– Извини, не хотел тебя испугать.

– Что ж, у тебя прекрасно, получается, делать то, чего ты не хотел делать!

– Как и у тебя, Эд.

– Да пошел ты!

– Да ладно тебе, не злись.

Если вы еще не догадались, хотя, возможно, уже предположили, завернув на парковку, я увидел, как там сидит этот сраный воображаемый пес, с таким лицом, будто работает здесь парковщиком, и я задолжал ему пятнадцать рублей. Собственно, собак я не боюсь, но, он не всегда выглядит как собака, по крайней мере, пока ты не осознаешь, что это перед тобой, он будет выглядеть, как деформированная собака. В общем, не знаю, как объяснить, знаете, если долго всматриваться в зеркало при тусклом освещении, то вскоре

ты начнешь замечать, как твоя физиономия начнет немного «плыть»? Один глаз начнет съезжать вниз, нос начнет уменьшаться или вообще тебе покажется, будто твое отражение улыбается, или оно начнет полностью меняться, выражение лица, деформироваться. Но, как только ты врубишь свет, все снова встанет на свои места. Это как клишированный чертов скример, в фильмах ужасов, когда женщина едет с ребенком в автомобиле, ребенок сидит на заднем сидении, она мельком смотрит в зеркало заднего вида, и видит изуродованное лицо своего дитя, она оборачивается, и видит, что все в порядке. Лицо ее чадо вновь выглядит абсолютно нормальным, но осадок все равно остался. С этим псом точно так же, если заметить его краем глаза, он будет выглядеть, словно разобранный кубик Рубика, в виде собаки, но, когда ты повернешься в его сторону, и полностью сфокусируешь на нем свое внимание, он будет выглядеть, как обычный пес.

– Не злись? Не злись?!

– Да-да, я появился внезапно и напугал тебя, но, я здесь, чтобы помочь тебе.

– При чем здесь это? Ты что с моими мозгами вытворял? Ты помнишь? Тот сон? Ты был в нем.

– Что? Я тебе приснился, я польщен, неужели, я настолько въелся в твою голову? Вцепился, словно клещ, не так ли?

Да, въелся, если быть точным, вцепился в мои мозги, словно... Черт, он опередил мою мысль, я подумал о сравнении с клещом, буквально на долю секунды позже, чем он

это уже сказал.

– Ты со мной в эти игры не играй! Мы не друзья, мы никто, ты плод моего воображения, и я могу тебя просто уничтожить, перестав о тебе думать.

– Ты вообще в курсе, что это не так работает? Ты сейчас наговорил сплошных фраз-клише, которые говорят персонажи фильмов и книг, видящие постоянную одно и ту же галлюцинацию, в виде другого персонажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.